КУРСКІЙ

СБОРНИКЪ.

ИЗДАНІЕ КУРСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Комитета Н. И. Златоверховникова.

ВЫПУСКЪ VI.

КУРСКЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1907.

Стихотвореніе В. А. Жуковскаго[1]).

Поэту фонъ-Леннепсу.

Пѣвецъ Батавіи, съ радушіемъ пріемлю
Я братскій твой привѣтъ; хотя языкъ мнѣ твой
И чуждъ, но онъ языкъ поэзіи святой
И гласу твоему я слухомъ сердца внемлю.

Твое отечество давно въ родствѣ съ моимъ:
Нашъ Петръ ему былъ другъ; работникомъ простымъ
Въ сардамской хижинѣ великій Царь таился
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ[2]) былъ его рукой корабль застроенъ тотъ—
На коемъ, по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемый[3]) средь бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный[4]) народъ
Указаннымъ путемъ[5]) плыветъ подъ флагомъ славы—
Корабль великія Россійскія державы.

И нынѣ правнукъ молодой
Великаго Петра былъ внукою Петровой
По Царски угощенъ въ той хижинѣ простой,
Гдѣ праотецъ ихъ жилъ такъ бѣдно и сурово.

И пѣсня русская и русское ура
Въ Сардамскомъ домикѣ Петра
Съ народной пѣснію Голландіи слилися
И два народа въ этотъ часъ,
Какъ бы послышавши великой тѣни гласъ,
На дружбу вѣрную по братски обнялися.

Смотрю почтительно на бодрый твой народъ,
Я видѣлъ южные народы:
Къ нимъ небо ласково, тамъ ясны цѣлый годъ
Его лазоревые своды.

---

[1]) Подлинная рукопись находится въ историческихъ документахъ, переданныхъ С. А. Юрьевичемъ Курскому Историко-Археологическому Музею.

[2]) Зачеркнуто было: „Здѣсь" и сверху надписано: „Тамъ".

[3]) Написано: „неизмѣняемыхъ", „ыхъ" зачеркнуто и наверху надписано: „ый".

[4]) Зачеркнуто: „пере"—созданный.

[5]) Написано: „Въ указанный имъ путь"; „Въ", „имъ", „путь" зачеркнуты и надписано: „ымъ путемъ".

Тамъ благовонные долины и лѣса,
Тамъ горъ подоблачныхъ чудесная[1]) краса,
Тамъ изобиліе повсюду золотое;
И человѣкъ его изъ полной чаши пьетъ,
И для него не слышенъ тамъ полетъ
Дней исчезающихъ въ бездѣйственномъ покоѣ.
Но здѣсь явленіе иное:
У моря бурнаго отважные отцы
Отчизну дикую для внуковъ съ бою взяли,
И, грозною нуждой испытанны бойцы,
На крѣпостномъ валу плотинъ могучихъ стали,

И съ той поры идетъ безперерывно брань
За нихъ, дома и жизнь съ стихіей покоренной[2]).
Въ осадѣ вѣчной вы; но тщетно разъяренной[3])
Громадою она бросается на грань[4]),
Предъ ней поставленную вами[5]);
Всечасно ратуя съ упорными волнами[6]),

Какъ сталь подъ молотомъ, вы крѣпнете въ бою,
Вы твердо на валу стоите,
И крѣпость чудную[7]) свою
Во вѣки не сдадите[8]);

Неистощимый есть въ стѣнахъ ея для васъ
Вѣками собранный оружія запасъ:

---

[1]) Написано: „могучая“, зачеркнуто и надписано: „чудесная“.
[2]) Написано было: „Съ стихіей славно побѣжденной“, это зачеркнуто и далѣе написано: „непокорной“, затѣмъ поправлено: „покоренной“ и „не“ осталось; сверху, въ началѣ строки надписано: „За нихъ, дома и жизнь“.
[3]) Сперва написано: „и тщетно раздраженной“; „и“ зачеркнуто и надписано: „но“; „раздраженной“ зачеркнуто и надписано: „разъяренной“; зачеркнуто въ той-же строкѣ: „врагъ упорный“.
[4]) Написано: „вашъ врагъ разрушить рвется“, надъ „вашъ“ написано: „жаденъ“, затѣмъ все, кромѣ „Громадою“ и „грань“, зачеркнуто и надписано: „бѣшено она бросается на“, „бѣшено“ зачеркнуто.
[5]) Написано сперва: „Ему“, зачеркнуто и надписано: „предъ нимъ“, зачеркнуто и приписано: „предъ ней“.
[6]) Въ началѣ строки было написано: „Въ борьбѣ“, зачеркнуто и слѣва приписано: „Всечасно ратуя“; „упорными“ написано надъ зачеркнутымъ: „свирѣпыми“.
[7]) „Чудную“ надписано надъ зачеркнутыми словами: „древнюю свою, древнюю“.
[8]) Въ началѣ строки написано: „Врагу“, слѣва приписано: „Упорному“, зачеркнуты оба слова, ниже написано и зачеркнуто: „Злодѣю древнему“, сверху тѣ-же слова остались незачеркнутыми, но малое „в“ (во вѣки) передѣлано въ большое (Во вѣки).

„Спокойно-свѣтлый умъ, святая вѣра, нравы,
„Довѣренность къ себѣ, свободы стражъ законъ,
„И мнѣнье строгое, и мнѣньемъ чтимый тронъ,
„И благодатныя преданья древней славы!“

$\frac{11}{23}$ Апрѣля 1839.

Гага.

Подписано рукой поэта: *Жуковскій.*

Письмо Якубовича[1]).

„Батюшка!

„Въ послѣдній разъ мнѣ суждено говорить съ вами, и я, какъ откровенный солдатъ, обнажу душу мою. Вы могли бы требовать этого, какъ отецъ отъ сына, но я признанъ недостойнымъ носить имя это. Надежда моя вспорхнула при переломѣ сабли надъ полуразрушенной главой моей, опалила крылья на огнѣ, гдѣ горѣлъ знакъ купленной презрѣніемъ жизни, и я достоинъ этой участи. Ахъ, для чего убійственный свинецъ на горахъ кавказскихъ не пресѣкъ моего бытія? для чего я искалъ спасенія въ остріѣ моей сабли?—

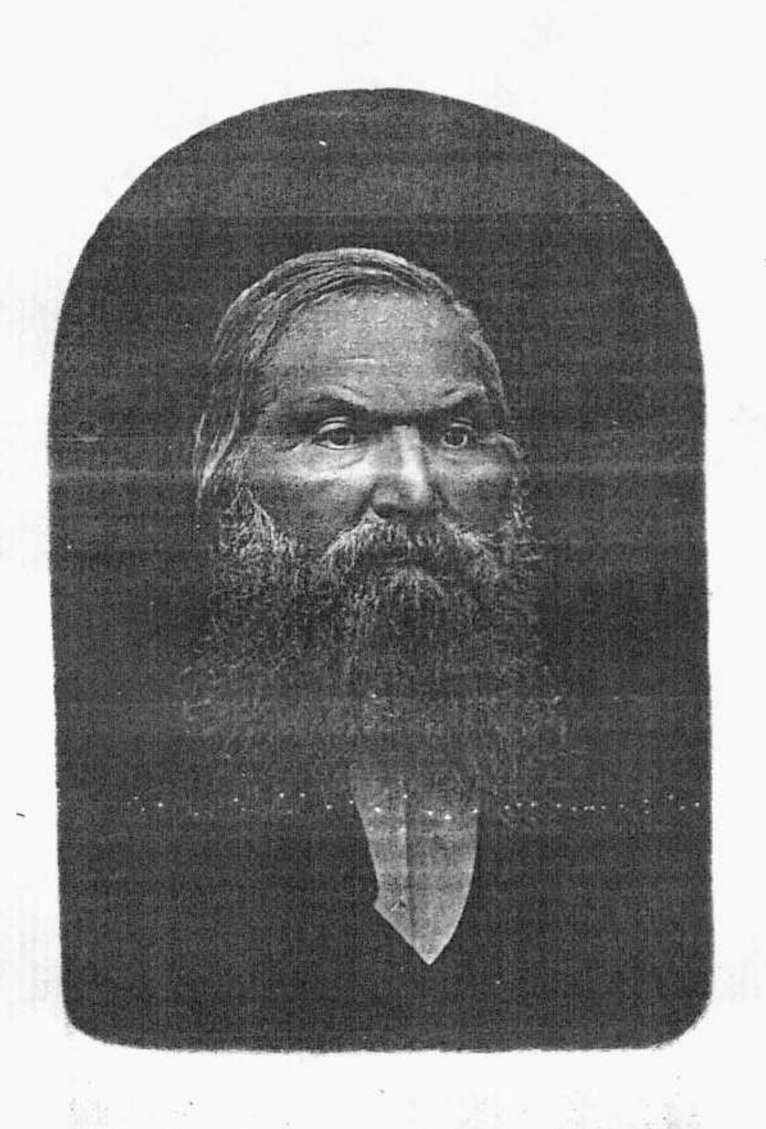
Позоръ! Позоръ! Ужаснѣе смерти!.. Я не былъ въ душѣ столько преступникъ, сколько желалъ онымъ сдѣлаться.—Самолюбіе подстрекало меня, и сей порокъ ужаснѣйшій былъ причиною моей погибели.—Батюшка, у васъ остался еще сынъ, предостерегите его моимъ несчастнымъ примѣромъ. Бѣдственная жизнь моя усладится мыслію, что я своимъ трудомъ заградилъ пропасть, ужасную для неопытныхъ.

Еще одно желаніе:—позабудьте на вѣкъ, что у васъ несчастный сынъ, да не исполнится доброе сердце ваше горестью, что я справедливо наказанъ.—Братьевъ, незабвенную сестру и почтеннаго Петра Ивановича мысленно привожу на память, и,—о чудо!—слеза оросила изсохшее лицо мое! Простите навсегда, любезные сердцу, я счастливъ воспоминаніемъ объ васъ и нелицепріятною справедливостью Государя.

Якубовичъ."

---

[1]) Передано, въ числѣ разныхъ архивныхъ документовъ, Курскому Губернскому Статистическому Комитету въ 1901 году бывшимъ Директоромъ народныхъ училищъ Курской губерніи И. Й. Дубасовымъ. Года и числа не показано, но на сложенномъ вдвое полулистѣ старинной бумаги, на которой написано письмо, видна на свѣтъ цыфра года: 1835.

Л. Матихин

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПАМЯТИ

Алексѣя Степановича Машкина

1816—1904.

Не бездарна та природа...

Некрасовъ.

Собралъ Вл. Рѣзановъ.

Памяти А. С. Машкина.

ВВЕДЕНІЕ.

Покойный Алексѣй Степановичъ Машкинъ, по крайней своей скромности, никогда не хотѣлъ облегчить своими указаніями и сообщеніями задачу своего біографа. На обращаемые къ нему разспросы онъ отвѣчалъ, что въ его жизни ничего не было замѣчательнаго, и „что онъ за великій человѣкъ, чтобы писать его біографію“! Такимъ образомъ за свѣдѣніями пришлось обратиться къ лицамъ, знавшимъ покойнаго. Племянникъ его, **Леонидъ Михайловичъ Смирновъ** взялъ на себя составленіе біографической записки на основаніи личныхъ своихъ воспоминаній о дядѣ и разсказовъ своей тетки, супруги А. С. Машкина. Эта біографическая записка и помѣщается ниже.

Не повторяя свѣдѣній объ этнографическихъ трудахъ А. С. Машкина, сообщенныхъ въ „Курскомъ Сборникѣ“, вып. III (стр. VIII—XI) и IV (стр. 1—9), въ настояще время представляется общій списокъ работъ покойнаго. Послѣднею изъ этихъ работъ была продиктованная Алексѣемъ Степановичемъ небольшая записка „Къ біографіи И. Н. Скобелева“, основанная на личныхъ его воспоминаніяхъ; какъ послѣдній, предсмертный трудъ, записка эта издается въ предлагаемомъ V выпускѣ „Курскаго Сборника“.

В. Р.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА,

составленная Л. М. Смирновымъ.

Въ ночь съ 19 на 20 января 1904 года въ г. Обояни, Курской губ., тихо скончался послѣ непродолжительной болѣзни Курскій этнографъ Алексѣй Степановичъ Машкинъ. Тихо и скромно, согласно волѣ покойнаго, небольшая группа родственниковъ и близкихъ ему лицъ проводила его до могилы. Не было блеску и шумной процессіи, не было громкихъ рѣчей и мало было народу; но зато трудно найти похороны, гдѣ бы покойника окружало больше любви, уваженія, даже благоговѣнія. Въ немъ хоронили человѣка, жизнь и дѣятельность котораго для знавшихъ его всегда была предметомъ удивленія и преклоненія предъ ней. „Нѣтъ больше такихъ людей", вырвалось у кого-то изъ шедшихъ за гробомъ. И это была общая мысль, общее чувство. Эта скромность похоронъ, о которой самъ покойный просилъ въ послѣдніе дни своей жизни, была послѣдовательнымъ завершеніемъ его жизни, жизни, которая вся была проникнута скромностью и смиреніемъ. Одаренный незаурядными способностями, рѣдкимъ трудолюбіемъ, отзывчивый на всякое горе и нужду и всегда готовый всякому помочь—Алексѣй Степановичъ былъ совершенно чуждъ какого-бы-то ни было стремленія къ извѣстности, почету, славѣ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Покойный много трудился по этнографіи Курской губ., получалъ лестные отзывы, награды. Однако не только его знакомые, но даже и близкіе родственники ничего не знали объ этомъ. Эта же скромность причина того, что о жизни Ал. Ст. сохранилось мало свѣдѣній. Онъ всегда изъ скромности отказывался сообщать ихъ, когда его просили объ этомъ.

Алексѣй Степановичъ родился въ с. Городищѣ (Большая Слобода тожъ), Корочанск. уѣзда, въ 1816 г. Отецъ его былъ небогатый дворянинъ того же Корочанскаго уѣзда. Вскорѣ по рожденіи Ал. Ст. онъ умеръ, и мать Ал. Ст. вышла замужъ въ другой разъ. Вотчимъ Ал. Степ. былъ мѣщанинъ, сначала занимавшійся подрядами на постройки церквей, а потомъ перешедшій въ купеческое сословіе. У покойнаго было 2 сестры и 4 брата. Изъ всѣхъ дѣтей только одинъ онъ получилъ образованіе, да и то небольшое! Окончилъ городское Корочанское училище. Нѣсколько лѣтъ по окончаніи его онъ провелъ дома, готовясь держать экзаменъ на званіе учителя.

Выдержавъ такой экзаменъ въ Харьковѣ, онъ былъ назначенъ учителемъ въ Корочѣ же, въ Корочанскомъ приходскомъ училищѣ. Здѣсь онъ пробылъ недолго, всего 2—3 года, и перевелся въ Обоянь также въ приходское училище, гдѣ и оставался учителемъ почти до конца своей службы. Къ этому времени относятся и всѣ его труды по собиранію обычаевъ, пословицъ и поговорокъ, составленію словаря и др., его знакомство и переписка съ Голицынымъ, Далемъ и другими. Словомъ, это былъ самый дѣятельный и самый лучшій періодъ его жизни. Впослѣдствіи покойный очень любилъ вспоминать объ этомъ времени и разсказывалъ о

немъ съ интересомъ и увлеченіемъ. Здѣсь же Алексѣй Степановичъ и женился въ 1846 г. на дочери протоіерея соборной церкви о. Іоанна Иванова, человѣка, за свою высокую нравственность и всестороннее образованіе пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Отсюда, прослуживши болѣе двадцати лѣтъ, Ал. Ст. перевелся было въ Курскъ (около 1869 г.), но не пробылъ здѣсь и года. Жить на тогдашнее жалованье учителя съ женой и нѣкоторыми ея родными въ губернскомъ городѣ было довольно тяжело. Да и самая жизнь губернскаго города скромному и привыкшему къ тишинѣ и уединенію Ал. Степ. показалась слишкомъ шумной и суетной. Онъ перевелся обратно въ Обоянь, пробылъ еще съ годъ учителемъ и вышелъ въ отставку.

Какъ учитель, Ал. Ст. быстро умѣлъ пріобрѣтать довѣріе и благосклонность начальства, любовь и уваженіе учениковъ; и не удивительно. Трудно встрѣтить человѣка болѣе аккуратнаго, исполнительнаго и внимательнаго къ своимъ обязанностямъ. Чуждый даже въ раннемъ возрастѣ увлеченій и излишествъ молодости и даже черезчуръ серьезный, обладая мягкимъ, не раздражительнымъ характеромъ, полный любви къ своему дѣлу—онъ велъ это дѣло прекрасно. Всѣ посѣщенія его (школы) училища инспекторомъ, директоромъ, ревизорами—влекли за собой благодарности и награды. Онъ удостоился даже похвалы министра. Ученики его тоже любили и долго сохраняли о немъ память. То было время, когда удары линейкой, квадратомъ, щелчки и др. подобныя наказанія для поддержанія дисциплины и для вразумленія непонятливыхъ—далеко не были рѣдкостью. При своемъ мягкомъ характерѣ и любви къ дѣтямъ, Ал. Ст. не могъ рѣшиться на это и старался достигнуть всего ласковымъ обхожденіемъ съ учениками. Какъ исключеніе, онъ вспоминалъ иногда одинъ случай, когда и онъ послалъ „на горохъ" нѣкоторыхъ черезчуръ расходившихся шалуновъ. За то мнѣ приходилось встрѣчать его учениковъ уже 50—60 лѣтними стариками.—И надо было видѣть, съ какою любовью и уваженіемъ они вспоминали и отзывались о немъ!.

Вышедши въ отставку, Ал. Степ. поселился здѣсь же, въ Обояни и, такъ какъ всѣ его средства къ жизни состояли въ полученіи имъ скудной пенсіи, поступилъ писцомъ въ Обоянскую земскую управу. Его дарованія, трудолюбіе и исполнительность и здѣсь быстро выдвинули его. Уже спустя 2—3 года, считаясь еще писцомъ, онъ исполнялъ на самомъ дѣлѣ обязанности секретаря, а скоро и совсѣмъ былъ сдѣланъ имъ, и въ этой должности служилъ еще болѣе двадцати лѣтъ. Постоянная смѣна дворянскихъ партій въ земствѣ, зависть и интриги служебнаго и чиновничьяго міра—проходили мимо Ал. Ст., не касаясь его. Его уважали люди всѣхъ партій, начальствовавшіе и подчиненные ему одинаково. Когда однажды онъ захотѣлъ выйти въ отставку, отъ земства была снаряжена депутація, просившая его не покидать службы. Лучшимъ доказательствомъ памяти, оставленной имъ по себѣ, служитъ то, что по смерти его земской управой былъ пріобрѣтенъ его портретъ и повѣшенъ надъ кресломъ, гдѣ занимался покойникъ. Въ 1892 году, 76 лѣтъ, Ал. Ст. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Онъ вынесъ эту болѣзнь, но она сильно подорвала и безъ того уже ослабленный старостью организмъ. Онъ вышелъ въ отставку.

Послѣдніе годы своей жизни покойный провелъ здѣсь же, въ Обояни. Онъ жилъ уединенно, вдвоемъ со своей женой. Дѣтей у нихъ ни-

когда не было. Еще въ ранніе годы своей жизни Ал. Ст. не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ, чуждался удовольствій и развлеченій и велъ строгую размѣренную жизнь. Подъ старость эта строгость и размѣренность его жизни еще усилились. Время сна, занятій, прогулки, отдыха—было строго опредѣлено съ точностью до минутъ. Этимъ только и можно объяснить, что, вынесши уже 76 лѣтъ такую тяжелую болѣзнь, какъ воспаленіе легкихъ, онъ прожилъ однако до 83 лѣтъ, и прожилъ, сохранивъ почти неослабѣвшими всѣ свои способности. Только слухъ его порядочно ослабѣлъ послѣ этой болѣзни. Что касается зрѣнія, то до самой своей смерти онъ видѣлъ прекрасно. Умъ его продолжалъ быть живымъ и дѣятельнымъ. Покойный всегда интересовался политикой, текущими событіями и злобами дня, любилъ читать газеты, говорить и обсуждать всѣ выдающіяся явленія въ жизни общественной и наукѣ. Но особенно живо сохранилась память, которая у него была поистинѣ феноменальной. Онъ помнилъ всю свою жизнь съ точностью до мельчайшихъ подробностей, всѣхъ лицъ, съ которыми когда-либо встрѣчался. Кажется, что онъ никогда не забывалъ того, что разузналъ. За недѣлю, напр., до смерти, говоря со мной о литературѣ, онъ читалъ наизустъ цѣлыя страницы изъ Пушкина, ученыя имъ когда-то въ дѣтствѣ. Алексѣй Степановичъ всегда отличался религіозностью, а въ послѣдніе годы его жизни чтеніе Евангелія сдѣлалось для него потребностью, и рѣдкій праздникъ онъ не бывалъ въ церкви. Отзывчивость на всякое горе и готовность совѣтомъ и дѣломъ помочь всякому—сохранилась у него до конца жизни. „Святой старикъ", такъ называли его знавшіе его жизнь. Умеръ онъ послѣ болѣзни (сахарная болѣзнь), продолжавшейся мѣсяца полтора. Незамѣтно слабѣлъ организмъ, и силы оставляли его. Послѣднія двѣ недѣли онъ уже не могъ принимать никакой пищи. Однако духъ его былъ бодръ. Не вѣрилось, что это—умирающій. Наконецъ, въ ночь на двадцатое января началась агонія, и въ три часа ночи его не стало. Умеръ онъ, какъ истинный христіанинъ, съ именемъ Христа на устахъ, и рука его до послѣдней минуты сжималась въ крестное знаменіе.

Л. Смирновъ.

28 Сентября
1904 года.

Къ біографіи родоначальника фамиліи Скобелевыхъ, генерала отъ инфантеріи Ивана Никитовича Скобелева.

(Воспоминаніе старика).

Въ ранней моей молодости на моей родинѣ, въ селѣ Большомъ Городищѣ (Большая Слобода тожъ), Корочанскаго уѣзда, Курской губ., мнѣ не разъ приходилось слышать о происхожденіи любимаго русскимъ народомъ генерала Ивана Никитовича Скобелева, родившагося въ томъ селѣ.

Одинъ изъ тамошнихъ жителей (старикъ однодворецъ Иванъ Борисовичъ Валуйскій), современникъ Ивана Никитовича, разсказывалъ мнѣ, что отецъ Ивана Никитовича былъ отставной сержантъ Никита Кобелевъ, (*) происходившій изъ однодворцевъ того села, а мать Ивана Никитовича была бѣдная дворянка, урожденная Уварова (имени и отчества ея, къ сожалѣнію, у меня въ памяти не осталось). Далѣе Валуйскій разсказывалъ, что Иванъ Никитовичъ въ дѣтствѣ особенно отличался своими шалостями и своевольствомъ и постоянно поступками своими огорчалъ свою мать: то подерется съ кѣмъ-нибудь, то оборветъ яблоки въ чужомъ саду и т. д. У Ивана Никитовича былъ старшій братъ (имени его не припомню). Отецъ ихъ, сержантъ Никита Кобелевъ, по смерти своей, оставилъ дѣтей своихъ еще малолѣтними. Когда дѣти подросли, то у нихъ явилось особенное желаніе поступить въ военную службу.

Въ то время, говорилъ Иванъ Борисовичъ, нашей семьѣ приходила очередь отбывать воинскую повинность; изъ числа же членовъ нашей семьи оказывался годнымъ только я. Въ виду этого мои родные предложили братьямъ Кобелевымъ и ихъ матери, не согласится ли кто-либо изъ двухъ братьевъ по найму поступить за меня въ военную службу. Братья Кобелевы, съ согласія матери, приняли съ удовольствіемъ это предложеніе съ тѣмъ, что, если не годится въ рекруты одинъ, то взамѣнъ его идетъ другой братъ. Такимъ образомъ, мы, говорилъ Иванъ Борисовичъ, того и другого возили въ г. Курскъ, гдѣ тогда было открыто рекрутское присутствіе, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора; но, къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой изъ братьевъ Кобелевыхъ не былъ принятъ въ рекруты, по недостиженію ими узаконенныхъ лѣтъ. Этотъ отказъ такъ огорчилъ ихъ, что они плакали передъ вице-губернаторомъ и просили принять кого-либо изъ нихъ. Тогда вице-губернаторъ, видя непреодолимое ихъ желаніе поступить въ военную службу, посовѣтовалъ имъ поступить вольноопредѣляющимися. По возвращеніи домой, они упрашивали мать свою дозволить имъ поступить въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся. Мать долго не соглашалась, но въ концѣ концовъ пришла къ такому заключенію, что дѣти ея могутъ быть отданы въ солдаты обществомъ однодворцевъ с. Большого Городища, помимо собственной ихъ воли: одинъ за свою очередь, другой за недоимку, накопившуюся тогда на нихъ въ большомъ количествѣ, государственныхъ и общественныхъ повинностей, и потому рѣшилась дать имъ свое согласіе на поступленіе въ военную службу вольноопредѣляющимися. Старшій братъ вышелъ

(*) Иванъ Никитовичъ, говорилъ Валуйскій, бывши уже въ офицерскихъ чинахъ, просилъ начальство измѣнить его фамилію, какъ не совсѣмъ приличную; вслѣдствіе чего къ его фамиліи предоставлена была буква „С“ (С-Кобелевъ).

въ отставку поручикомъ и умеръ въ своемъ родномъ селѣ; младшій же, Иванъ Никитовичъ, дослужился, какъ извѣстно, высшихъ генеральскихъ чиновъ. Преданіе говоритъ, что генералъ Скобелевъ былъ въ г. Корочѣ (вѣроятно, проѣздомъ) и посѣщалъ родственницу свою, солдатку Кобелеву, жившую тогда въ г. Корочѣ. Мать его гораздо раньше этого пріѣзжала въ село Большое Городище къ своимъ роднымъ, въ каретѣ. (Этотъ пріѣздъ помнитъ и отецъ мой).

Ал. Машкинъ.

15 января 1904 года.

СПИСОКЪ ТРУДОВЪ

А. С. Машкина.

1. Этнографическое описаніе Обоянскаго уѣзда (не издано).

2. Свѣдѣнія о толкахъ раскольниковъ гор. Обояни и его уѣзда (не издано).

3. Сборникъ мѣстныхъ словъ, употребляющихся въ Обоянскомъ уѣздѣ (не издано).

4. Вторая (дополненная) редакція того же сборника (не издана; хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Императорской Академіи Наукъ *).

5, 6. Два дополненія къ тому же сборнику (въ рукописи хранятся въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ **).

7. Сборникъ пословицъ и поговорокъ, употребляемыхъ въ г. Обояни и уѣздѣ его („Курскій Сборникъ", вып. IV) ***).

8. Свадебныя и хороводныя пѣсни, собранныя въ г. Обояни и его уѣздѣ („Курскій Сборн.", вып. III). ***).

9. Загадки, записанныя въ г. Обояни и его уѣздѣ (тамъ же, вып. IV). ***).

10. Объ особенностяхъ Обоянскаго простонароднаго говора („Труды Курскаго Губерн. Статистич. Комитета", вып. I, Курскъ, 1863; вкравшіяся опечатки см. „Курскій Сборникъ", вып. IV, стр. 5).

11. Образцы простонародныхъ разговоровъ города Обояни и его уѣзда („Кур. Сбор.", вып. IV).

12. Обычаи и обряды простонародья въ г. Обояни („Труды Курскаго Губ. Стат. Ком.", вып. I; опечатки и дополненіе см. „Курс. Сборн.", вып. IV, стр. 6).

13. Примѣты и предразсудки Обоянскихъ простолюдиновъ („Курск. Сборн.", вып. IV).

14. Толкованія сновъ, записанныя въ Обоянскомъ уѣздѣ („Русскій Филологическій Вѣстникъ" 1879 г. № 2; поправки и дополненія—„Курск. Сборн.", вып. IV, стр. 7).

15. Описаніе горы Городища, находящейся въ Корочанскомъ уѣздѣ („Курскія Губ. Вѣдомости", 1902 г. № 116).

16. Бытъ крестьянъ Курской губерніи Обоянскаго уѣзда („Этнографическій Сборникъ", изд. Императ. Русс. Географич. Обществ., вып. V, Спб. 1862).

17. Сказки, разсказы, анекдоты, прибаутки и дѣтскія пѣсенки, записанные въ г. Обояни и его уѣздѣ („Курс. Сборн.", вып. IV).

18. Къ біографіи родоначальника фамиліи Скобелевыхъ, генерала отъ инфантеріи И. Н. Скобелева („Курскій Сборникъ", вып. V).

---

*) *В. И. Срезневскій,* Свѣдѣнія о рукописяхъ и проч., поступившихъ въ рукописное отдѣленіе Имп. Академіи Н. въ 1900 и 1901 годахъ. Спб. 1902, стр. 66. (Извѣстія Имп. Академіи Н., т. XVI, № 2).

**) Тамъ же.

***) На основаніи матеріаловъ, собранныхъ А. С. Машкинымъ и изданныхъ въ III и IV выпускахъ „Курскаго Сборника" построена работа г. Леонида Васильева: „Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ", напечатанная въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IX, кн. 1-я (Спб. 1904 г.).

КЪ ВОПРОСУ

О НОВѢЙШИХЪ НАСЛОЕНІЯХЪ ВЪ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПѢСНѢ.

Нерѣдко приходится встрѣчаться съ такимъ взглядомъ на русскую народную пѣсню, что она въ новѣйшее время падаетъ, вырождается, разрушается подъ вліяніемъ новыхъ условій народнаго быта, грамотности, фабрики, городской культуры и т. д. Критеріемъ въ этомъ случаѣ—при произнесеніи такого приговора—служатъ тѣ черты пѣсни, тѣ элементы ея, которые напоминаютъ о старинѣ, и чѣмъ болѣе глубокая и отдаленная старина даетъ себя чувствовать въ пѣснѣ, тѣмъ послѣдняя ставится выше, тѣмъ драгоцѣннѣе она въ глазахъ собирателей*).

Между тѣмъ, уже Костомаровъ съ точки зрѣнія историка народной жизни высказалъ**) иной взглядъ на относительную цѣнность пѣсенъ новаго происхожденія. Въ народной поэзіи Костомаровъ находилъ „важные матеріалы для узнанія различныхъ сторонъ народной жизни и быта"; эта поэзія, по его взгляду, для историка „всего болѣе важна и драгоцѣнна тѣмъ, что ея изученіе въ совокупности произведеній можетъ доставить ему возможность усвоить тотъ проникающій всѣ эти произведенія духъ народа, съ которымъ онъ увидитъ въ настоящемъ свѣтѣ понятія, чувствованія, воззрѣнія этого народа,—а затѣмъ событія, повороты, перевороты и остановки на всѣхъ путяхъ народной исторіи станутъ для историка осмысленными до такой степени, какой онъ не въ силахъ достигнуть изученіемъ какихъ бы то ни было актовъ, записокъ и т. п." ***). О народной поэзіи новаго времени нашъ историкъ высказываетъ мнѣніе, что періодъ этотъ „заключаетъ особенно интересныя стороны, потому что въ народной поэзіи совершается переворотъ подобный тому, какой происходитъ въ самой жизни народа"****). „Мы были бы до крайности односторонни, если бы цѣнили въ пѣсняхъ только ихъ относительную древность, мало давая цѣны новѣйшимъ пѣснямъ. Народная жизнь намъ дорога во всѣ свои моменты, и мы можемъ относиться съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народнымъ произведеніямъ, ее выражающимъ, какъ къ тѣмъ, которыя пережили многіе вѣка, такъ и къ тѣмъ, которыя передѣлались изъ старыхъ или вновь слагались на нашей памяти"*****). „Какимъ становится народъ, такова его и пѣсня; она неизбѣжно вѣрно отражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство. Поэтому никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; пусть для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, но для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ всетаки драгоцѣнные памятники народнаго творчества"******).

---

*) Срв. *К. Кузьминскій.* О современной народной пѣснѣ (Этнографичес. Обозр. 1902 г., кн. LV, стр. 92 и сл.).

**) Въ статьѣ «Великорусская народная поэзія» (Ист. моногр. изъ изсл., т. XIII) по поводу сборника Шейна „Русс. народ. пѣсни", ч. I.

***) Тамъ же, стр. 448.

****) Тамъ же, стр. 488.

*****) Тамъ же, стр. 470.

******) Тамъ же, стр. 472—473.

Замѣна старыхъ элементовъ новыми, на мой взглядъ, явленіе столь же законное, нормальное въ области поэзіи, какъ и въ самой жизни, въ бытѣ и т. д. При измѣненіи въ новое время способовъ и средствъ, находимыхъ въ языкѣ, для выраженія идей, вполнѣ естественна потеря непосредственнаго пониманія значенія стариннаго обряда, древняго поэтическаго символа и т. д. Отсюда—тѣ искаженія въ пѣсняхъ, которыя заставляютъ говорить о паденіи народной поэзіи. Собственно же говоря, если разсматривать новыя явленія и наслоенія въ народной пѣснѣ безъ предубѣжденій, ставъ на точку зрѣнія на эти явленія самого народа, пѣвцовъ, пѣвицъ, то можно говорить только о трансформаціи народной пѣсни, отнюдь не о ея паденіи: пѣсня эта продолжаетъ жить, хранителями ея являются пѣвцы и пѣвицы (разумѣется, не профессіональные—такихъ великорусская пѣсня не знаетъ), страстные любители пѣнія, обладающіе большими пѣсенными репертуарами, въ составъ которыхъ входятъ пѣсни и стараго и новаго происхожденія, увлекающіеся музыкой; и въ то время, какъ новые элементы, врываясь въ старыя пѣсни, производятъ въ нихъ непріятные диссонансы, дизгармонію составныхъ частей,—въ пѣсняхъ всецѣло новыхъ по своему происхожденію замѣтна цѣльность замысла и исполненія, воспроизведенія взятаго мотива—разумѣется, такого только, который соотвѣтствуетъ уровню развитія той среды, гдѣ создается такая пѣсня.

Въ послѣднее время и начинаютъ появляться попытки объективно-научнаго освѣщенія новой народной пѣсни. Какъ одну изъ такихъ попытокъ, должно отмѣтить работу проф. В. Н. Перетца „Современная русская народная пѣсня"*).

Академикъ А. И. Соболевскій, въ предисловіи къ послѣднему (VII-му) тому своего изданія „Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ"—богатѣйшей сокровищницы этого рода произведеній,—говоритъ:

„Теперь господствуетъ убѣжденіе, что великорусская народная поэзія близка къ гибели, что старыя пѣсни забываются, и ихъ мѣсто занимаютъ фабричныя пѣсни, болѣе или менѣе нескладныя и неблагопристойныя, и что нужно спасать живущіе еще остатки. Безъ сомнѣнія, старыя пѣсни понемногу выходятъ у насъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто новымъ, народнымъ или искусственнымъ: явленіе, происходящее всегда и вездѣ, неизбѣжное при какихъ угодно условіяхъ; безъ сомнѣнія, въ однихъ мѣстностяхъ Россіи процессъ измѣненія пѣсеннаго матеріала происходитъ быстрѣе и рѣшительнѣе, въ другихъ медленнѣе и съ колебаніями; но тѣмъ не менѣе народная поэзія у насъ еще достаточно сильна; и разсказы объ ея исчезновеніи лишены достаточнаго основанія. Ученые и неученые наблюдатели, давшіе показанія о печальномъ состояніи нашей народной поэзіи, въ большинствѣ случаевъ изслѣдовали дѣло нѣсколько поверхностно. Основательнымъ людямъ въ наши дни удалось составить порядочные сборники старыхъ пѣсенъ, нисколько не хуже тѣхъ, которые были составлены лѣтъ пятьдесятъ назадъ... Что касается до спеціально фабричныхъ пѣсенъ, составленныхъ фабричными и поющихся по преимуществу на фабрикахъ, то, несмотря на наши старанія, намъ не удалось отыскать этихъ губительницъ старыхъ пѣсенъ въ сколько нибудь достаточномъ числѣ. Все, что намъ было сообщено подъ названіемъ фабрич-

*) Библіографъ, 1893 г. вып. I, II—III.

ныхъ пѣсенъ, оказалось или варіантами обычныхъ старыхъ пѣсенъ, правда, болѣе или менѣе плохими, но не имѣющими въ себѣ ничего спеціально фабричнаго, и по степени благопристойности ничѣмъ не отличающимися отъ деревенскихъ,—или такъ называемыми „частушками", коротенькими пѣсенками, въ два, четыре, шесть стиховъ, которыя широко распространены по всей Россіи. „Частушки" признаются за продуктъ новѣйшаго народнаго творчества; но старшія ихъ записи, въ небольшомъ, къ сожалѣнію, числѣ, относятся еще къ XVIII в., и мы имѣемъ вѣское свидѣтельство ихъ относительной древности". (Великор. нар. пѣсни, т. VII, предисл., стр. 2—3).

Именно такою исключительно *новою* народною пѣснею считаетъ „частушку" одинъ изъ любителей—собирателей, г. *Д. Зеленинъ*,*) собравшій, по его словамъ, до двухъ тысячъ „частушекъ", записанныхъ въ послѣднее пятилѣтіе въ Вятской, Новгородской, Костромской и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. По наблюденіямъ г. Зеленина, „частушка" является въ настоящее время самою любимою и модною пѣсней деревенской молодежи,—при этомъ, такою пѣснею, которой *не знаетъ и не признаетъ* старое поколѣніе деревни, еще помнящее старинныя пѣсни и къ „частушкѣ" относящееся съ полнымъ отрицаніемъ.

О возникновеніи „частушки" г. Зеленинъ высказывается такимъ образомъ: „Уже самымъ своимъ появленіемъ частушка, какъ особый типъ народнаго пѣсеннаго творчества, многое говоритъ о совершающихся въ нѣдрахъ народной жизни процессахъ, о происходящемъ тамъ грандіозномъ переломѣ. Разумѣемъ прежде всего *ростъ личности* въ народѣ,—личности, прежде всецѣло сдавленной „міромъ", обществомъ. *Частушка—созданіе индивидуальнаго, личнаго творчества.* Она выросла на развалинахъ старой народной пѣсни"... Въ частушкѣ „сознавшая свою индивидуальность личность силится сказать *свое* слово, выразить *свое* чувство, *свое* настроеніе и впечатлѣніе. Частушка выходитъ изъ устъ *автора* въ *готовомъ*, цѣломъ видѣ, чѣмъ она рѣзко отличается отъ старинной народной пѣсни... Отсюда—эта краткость частушки; ея неустойчивость и эфемерность; отсюда же и ея необыкновенная плодовитость; сотни частушекъ возникаютъ ежедневно, чтобы завтра исчезнуть... И въ самой жизни деревенской молодежи этотъ ростъ личности, индивидуализмъ сказался не менѣе выпукло"... „Другая послѣ индивидуальнаго авторства, характерная черта частушки, какъ пѣсеннаго типа, это—*приближеніе къ произведеніямъ книжной, искусственной литературы.* Частушка, это—дѣйствительно „*стишокъ*", какъ окрестилъ ее покойный Глѣбъ Успенскій. Въ частушкѣ необходима риема, часто черезъ строку и литературно-тоническій стихъ"**). Она не связана ни съ какимъ дѣйствіемъ (обрядомъ); связь ея съ музыкою доведена также до minimum'а; недаромъ на сѣверовостокѣ частушку нерѣдко называютъ въ народѣ *прибауткой* и *присказкой*. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи частушка составляетъ полную противоположность старой пѣснѣ, гдѣ музыкальная сторона явно доминируетъ надъ текстомъ; очевидно, вѣковая неразъединимая связь народной поэзіи и музыки исчезаетъ: эти два искусства дифференцируются".. Фактъ распространенія „частушекъ", т. е. коротенькихъ пѣсенокъ, смѣняющихъ болѣе

*) „Черты современнаго народнаго быта по „частушкамъ" (Русс. Вѣд. 1903 г. № 8).
**) Подробнѣе объ этомъ въ брошюрѣ *Зеленина* „Новыя вѣянія въ народной поэзіи". М. 1901.

длинныя старыя, находитъ себѣ аналогію въ однородномъ, по моему мнѣнію, процессѣ въ области народной сказки: по замѣчанію наблюдателей, на смѣну сказки выступаетъ разсказъ болѣе краткій, анекдотъ; „Сказка разрушается, теряетъ свой прежній интересъ въ глазахъ народа, физіономія котораго сильно мѣняется, и мѣсто сказки постепенно занимается анекдотомъ, гораздо болѣе удовлетворяющимъ вкусу бывалаго люда, который приноситъ въ деревню изъ города, съ фабрики или съ военной службы новый складъ понятій и представленій"*).

Но рядомъ съ этимъ теченіемъ, въ которомъ сказывается стремленіе народной поэзіи выражаться въ произведеніяхъ менѣе сложныхъ, болѣе краткихъ по объему, болѣе индивидуальныхъ, болѣе близкихъ къ обыденной дѣйствительности, болѣе реальныхъ (если угодно),—можно наблюдать и теченіе иного порядка. Представить нѣкоторыя соображенія относительно этого послѣдняго и дать нѣкоторый матеріалъ для его освѣщенія и составляетъ задачу предлагаемаго сообщенія. Отсутствіе заготовленныхъ матеріаловъ въ видѣ болѣе обильныхъ записей народныхъ пѣсенъ новаго происхожденія лишаетъ пока изслѣдователя возможности освѣтить болѣе ярко и объяснить эти явленія.

Мнѣ удалось замѣтить такіе источники новѣйшихъ наслоеній въ нашей народной пѣснѣ:

Всѣмъ извѣстна пѣсня Офеліи изъ Шекспировскаго „Гамлета".

Моего вы знали ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ,
Въ бѣлыхъ перьяхъ статный воинъ,
Первый Даніи боецъ.
Но далеко за горами
Въ страшной онъ лежитъ могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый,
Ложе—хладная земля **) и т. д.

Въ Суджанскомъ уѣздѣ Курской губерніи, во время выпалыванія свекловичныхъ плантацій, крестьянки-работницы поютъ:

Разсказать ли вамъ, подружки,
Ой, про несчастье про свое?
Ой, не знавали моего друга?
Ой, такой бравый, молодой,
Ой, такой бравый, кучерявый—
Ой, сарапанскій купецъ.
На немъ памятникъ тяжелый
Девяносто семь пудовъ.
На немъ крестъ дубовый новый
Весь облитый серебромъ...

Шекспировская пѣсенка проникла въ среду русскихъ крестьянъ, подверглась переработкѣ и стала народною пѣсней, которая и пошла циркулировать; въ Обоянскомъ уѣздѣ, отъ крестьянки дер. Саломыковой

*) *Бороздинъ*, Великорусская народная пѣсня и ея изученіе (Ист. Вѣст. 1900 г. № 7).
**) „Гамлетъ", перевод. Полевого, д. IV, явл. 2-ое.

Агафьи Осетровой, она была записана и напечатана *). Отсутствіе матеріала не даетъ возможности установить пути, какимъ проникла пѣсня изъ Шекспировской драмы въ нашу деревню. Трудно сказать, насколько популярна пѣснь Офеліи среди пѣвицъ и пѣвуній нашего общества, которыя могли послужить передаточными инстанціями. Я знаю лишь одинъ случай, который указываетъ на то, что пѣсня Офеліи понравилась, оторвалась отъ драмы и пошла гулять по бѣлу-свѣту, подвергаясь превращеніямъ, передѣлкамъ, доходящимъ до пародіи, и различнымъ пріуроченіямъ: одна барышня, увлеченная и обманутая легкомысленнымъ гвардейцемъ, бросила ему въ лицо горькій упрекъ, пропѣвши пѣсенку Офеліи и замѣнивъ при этомъ стихъ „Первый Даніи боецъ“ словами: „первый гвардіи подлецъ“.

Народная передѣлка пѣсни Офеліи не ограничилась замѣной „перваго Даніи бойца“ „сарапанскимъ купцомъ“ и могильнаго холма тяжелымъ надгробнымъ памятникомъ съ дубовымъ крестомъ; крестьянки поютъ далѣе:

Тамъ (на могилѣ у памятника) дѣвченочка гуляетъ
До двѣнадцати часовъ.
—Ну, чего же ты, дѣвочка, гуляешь,
Не боишься никого?
—„Ну, чего же тутъ бояться?
Здѣсь ночные сторожа:
Здѣсь ночные сторожа ли
Провожаютъ до двора“.

Источника этой прибавки я въ настоящее время указать не могу.

Привожу варіантъ той же пѣсни, записанный въ селѣ Ивнѣ, Обоянскаго же уѣзда, отъ Ефросиньи Нечаевой, 14-тилѣтней дѣвочки—крестьянки; выучила она пѣсню у подругъ „на улицѣ“:

В Ы Т И Ж Н А Я. **)

Расказать ли вамъ, падрушки,
Пра нисчастья пра сваё?
Чёрнай воранъ, хр*а*брай воинъ,
Самъ саратавскай купецъ,
Какъ онъ дрался сы врагами,
Самъ галовку палажилъ.
А типерь жи любезнай мой
За марями схаранёнъ,
На ёмъ память ни чижола***),
Мать сыра-земля на ёмъ.
На ёмъ хрестъ стаялъ высокай,
Весь убратай сирибромъ.
Што шъ ты, дѣвушка, гуляишь,
Ни байсси ничиво?
—А чиво буду баятца?
Здѣсь мой милай схаранёнъ.
Ушъ ты, пташка—канарейка,

*) См. Матеріалы по этнографіи Курской губ., приготовилъ въ печати *В. Рязановъ*, ч. II, стр. 93, № 157 («Курскій Сборникъ» вып. III, Курскъ, 1902).

**) *Гласныя съ удареніемъ какъ въ этой, такъ и другихъ, приводимыхъ ниже пѣсняхъ, напечатаны курсивомъ.*

***) Искаженіе; должно быть: «памятникъ чижолай», (тяжелый).

Ни пой рана на зарѣ!
Я сама приду—признаюсь,
Што сидѣть мнѣ взапертѣ*).

Дѣвушки на работахъ, напр. во время полки свекловицы, выучивають другъ у друга пѣсни, которыя исполняютъ хоромъ. Привожу тексты двухъ такихъ пѣсенъ, записанныхъ въ селѣ Гоптаровкѣ Суджанскаго уѣзда (Курской губ.), отъ крестьянки Софіи Ахтырцевой, 20-ти лѣтъ. Пѣвица—малоросска; она старалась пѣть такъ, какъ слышала, по—великорусски, но невольно по большей части сохранила молорусскую фонетику.

Первая изъ этихъ пѣсенъ—обработка пушкинскаго стихотворенія „Узникъ":

Сидю я въ тэмныци,
Да въ тэмныци тэмной,
Да ка мнѣ прилетае
Да йорёлъ молодой.
Да вонъ крыльями пыше,
Клюётъ надъ акномъ,
Та вонъ клюётъ—бросаеть
Ко мнѣ йу вакно.
Товаришъ, товаришъ!
Пайдемъ, братъ, туда,
Та йдэ снэшки бѣлѣють,
Синѣють моря.
Та йдэ сонцэ ны сходыть,
Мѣсяцъ никогда.
Та сыстрицы—подрушки!
Каковъ нонче свѣтъ?
Та каво жъ ны полюбишь,
Ни въ комъ и правды нѣтъ:
Да йу глаза ласкають,
За глаза бронять.
Да знать, воны насъ ны люблять,
Знать насъ ны хотять.
Ой рѣжь моё тѣло,
Ой пэй мою кровъ,
Тай тогда шъ ты йузнаешь,
Шо е за любовъ**).

Другая пѣсня такая:

Жилъ—прожилъ у городи
Богатый король,
Имѣлъ соби двѣ дочири—
Красавицы сабой.
Шо старшая дочь
Ровно тёмная ночь,

*) Сообщено народною учительницею Е. И. Рѣзановою.

**) Сообщено Е. И. Рѣзановою. Срв. статью *Г. Дурново* „Узникъ Пушкина въ народной передѣлкѣ" (Пушкинскій Сборникъ студ. Моск. Унив.).

Мэньшая—румяна,
Какъ розочка цвѣтёть.
Старшую просваталъ
Солдатыкъ рядовой,
Мэньшую, румяну,
Съ чужой земли кароль.
Старшая мэньшую
Сманула потайкомъ:
„Пойдемъ, пойдемъ, сэстриця,
На бэрежокъ морьской!
Посмотримъ, родная,
Чэмъ бэрегъ йукрашонъ".
Йукрашонъ тотъ бэрегъ
Всё жолтымъ пескомъ,
Все жолтымъ пескомъ—
Да ще лентай голубой.
Гробныця йобита
Всё бѣлаю пырчёи,
На той на гробныци
Стоялъ крэстикъ золотой.
—„Ступы, ступы, сэстриця,
Въ гробныцю ногой!"
Сэстриця ступнула,
Воду сколыхнула.
—Сэстриця, родная,
Вода холодна!
Сэстрица родная,
Спаси меня йотъ гриха:
Уручаю колэчко
Своиво женыха!
—„Колэчко въ наспѣство
Достаныця мнѣ,
Но ты захлебнёсся
Въ холодной водѣ!"
—Сэстрица родная,
Спаси мнѣ йотъ гриха!
Вручаю тибѣ своиво женыха!..
—„Женыхъ по наслѣству
Достаныця мнѣ,
А ты захлебнёсся
Въ холодной водѣ!"

Авторъ и текстъ обработанной въ этой пѣснѣ баллады мнѣ неизвѣстенъ. Моя сестра, Е. И. Рѣзанова, сообщившая мнѣ свои записи этихъ пѣсенъ, могла припомнить первую строчку этой баллады:

Когда то жилъ въ Англіи царь Одолонъ...

И четыре строчки изъ сцены на берегу:

Взгляни: ты, какъ волны, сестрица смугла,
А я, молодая, какъ пѣна, бѣла!"
Вскипѣла смуглянка и, гнѣва полна,
Сестру свою въ море столкнула она.

Цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ изъ области русской народной пѣсни намѣчается въ статьѣ *А. Балова*, „Произведенія русскихъ поэтовъ въ народной пѣснѣ.“ *)

Подобнаго рода передѣлки, ставшія народными пѣснями, представляютъ собой весьма интересное явленіе въ исторіи эволюціи народной лирики. Я смотрю на него такимъ образомъ, что это—одно изъ цѣлой цѣпи явленій того культурнаго и литературнаго процесса, который въ Россіи наблюдается съ конца XVII и начала XVIII вѣка. Послѣ того какъ эпоха Петра Великаго окончательно установила выдѣленіе высшаго слоя русскаго общества, наиболѣе интензивно усвоивавшаго западно-европейское вліяніе,—и литература русская особенно рѣзко раздѣляется на два теченія: для передовыхъ слоевъ общества создается новая литература, а большая часть русскаго народа продолжаетъ довольствоваться литературнымъ наслѣдіемъ XVII вѣка; литературныя произведенія, удовлетворявшія въ XVII в. потребности и высшихъ и низшихъ классовъ, въ XVIII в. опускаются въ среду читателей изъ простого народа, претерпѣвая при этомъ (при перепискѣ, перепечаткѣ) рядъ своеобразныхъ трансформацій, которыя превращаютъ, напр., средневѣковый французско-итальянскій романъ о рыцарѣ Buowo d' Ancona въ любимую русскую сказку о Бовѣ-королевичѣ, создаютъ рядъ такихъ повѣствованій, какъ „Гуакъ, или непреоборимая вѣрность“, „Англійскій милордъ Георгъ“ и тому подобныя произведенія такъ называемой „лубочной“ литературы, дожившія до нашего времени и которыя долго еще будутъ, повидимому, продолжать циркулировать въ народѣ. Установился особый характеръ, особый стиль такихъ произведеній, въ безчисленномъ множествѣ распускаемыхъ торговцами „Никольскаго“ книжнаго рынка; и сообразно этому характеру и стилю, въ угоду вкусамъ читателей, передѣлываются произведенія и позднѣйшихъ русскихъ писателей, попадающія въ эту сферу. Такъ, Гоголевская повѣсть „Тарасъ Бульба“ превращается въ книжку въ родѣ „Тарасъ Бульба, или измѣна и смерть за прекрасную панну“ и даже въ „Приключенія казацкаго атамана Урвана“; Гоголевская „Ночь передъ рождествомъ“ становится повѣстью „Кузнецъ Вакула, или договоръ съ дьяволомъ“; Гоголевская „Страшная месть“—лубочной книжкой подъ названіемъ „Страшный колдунъ, или кровавое мщеніе“**) и т. п.

Своеобразныя превращенія переживаютъ и старинныя драматическія произведенія, попавши въ народъ: рождественская мистерія становится вертепнымъ дѣйствомъ, появляется народная драма „Царь Максимиліанъ“***) и т. д.

Въ этотъ же рядъ явленій становятся и народныя передѣлки стихотвореній, положенныхъ на музыку, романсовъ.

Г. *Я. Золотаревъ* въ своемъ этнографическомъ очеркѣ „Пригородная слобода Казацкая“ ****) отмѣчаетъ, что „близость города (Курска) отразилась на характерѣ слободскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ многія передѣланы изъ «жестокихъ романсовъ»“. Въ высшей степени жаль, что г. Зо-

*) Этнограф. Обозрѣніе, 1899 г., кн. XLII, стр. 166—172.

**) *М. Сперанскій*, Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ („Гоголевскій Сборникъ“, изданный Гоголевской комиссіей при Институтѣ кн. Безбородко, Кіевъ. 1902).

***) *Каллашъ*. Къ исторіи народнаго театра. Царь Максимиліанъ. Критич. замѣчанія и тексты. (Этногр. Обозр. XXXIX).

****) „Курскій Сборникъ“, вып. II. Курскъ, 1902.

лотаревъ крайне скупо сообщаетъ тексты записанныхъ имъ мѣстныхъ пѣсенъ, а передѣлокъ „жестокихъ романсовъ“ не приводитъ вовсе.

Случай доставилъ мнѣ возможность изъ другого источника имѣть нѣсколько фактовъ для наблюденія передѣлокъ „жестокихъ романсовъ“, становящихся народными пѣснями; между прочимъ мною записана часть репертуара молодого крестьянина, проводящаго лѣто на работахъ въ гор. Харьковѣ и усвоившаго нѣсколько модныхъ городскихъ пѣсенъ.

Крестьянинъ Курской губерніи, Фатежскаго уѣзда, деревни Останковой, Трисильное тожъ, *Степанъ Васильевичъ Черновъ*, мужикъ лѣтъ 30-ти, страстный любитель пѣнія; это, повидимому, его наслѣдственная черта: его мать—великая пѣсельница, которая и теперь, на старости лѣтъ, вторитъ иногда сыну, когда тотъ поетъ, напр., въ гостяхъ по просьбѣ присутствующихъ, чѣмъ доставляетъ большое удовольствіе и гостямъ, и хозяевамъ, которые всегда особенно внимательны къ пѣвцу и усердно его угощаютъ. Степанъ—мужикъ-красавецъ собой, рослый, стройный, плечистый; человѣкъ онъ до извѣстной степени идеальныхъ воззрѣній: онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ ради красоты послѣдней, любитъ жену, помогаетъ ей самъ по хозяйству; музыку, пѣніе онъ любитъ до страсти: это обнаруживается у него съ первыхъ же словъ при разговорѣ о пѣніи, пѣсняхъ. Степанъ обладаетъ сильнымъ и высокимъ (хотя, разумѣется, грубнымъ, необработаннымъ) теноромъ и въ хорахъ „на улицѣ“ не знаетъ себѣ соперниковъ. При тонкомъ музыкальномъ слухѣ и огромной музыкальной памяти, онъ запоминаетъ понравившуюся пѣсню (и мелодію и текстъ) чрезвычайно быстро („съ одного разу,“ по его собственнымъ словамъ); и запоминаніе это—чисто безсознательное, непосредственное: и при усвоеніи и при исполненіи пѣсни онъ и не думаетъ осмысливать текстъ пѣсни, а воспроизводитъ такъ, какъ запомнилось, порою съ искаженіями.

Грамоты Степанъ не знаетъ. Теплое время года (съ конца апрѣля и почти до конца августа) Степанъ проводитъ, вмѣстѣ съ очень многими своими односельчанами, на заработкахъ въ Харьковѣ, на тамошнихъ кирпичныхъ заводахъ (мѣситъ глину и песокъ, выдѣлываетъ кирпичи). Здѣсь онъ и обогатилъ свой обширный деревенскій репертуаръ нѣсколькими „городскими“ пѣснями, которыя понравились ему своей мелодіей. На мой вопросъ, отъ кого именно онъ узналъ эти пѣсни, кто ихъ поетъ въ Харьковѣ, Степанъ прямо назвалъ „модистокъ“, т. е. мастерицъ-швеекъ; эти же послѣднія получили, по убѣжденію Степана, свои пѣсни „изъ Москвы“. Степанъ привезъ новыя пѣсни въ свою родную деревню, Трисильное, и здѣсь отъ него научились многіе любители-пѣвцы и пѣвицы между деревенскими парнями и дѣвушками. Пѣсни пошли циркулировать, подвергаясь вставкамъ, прибавкамъ, интерполяціямъ, искаженіямъ, сокращеніямъ и т. д.

„Городскія“ пѣсни Степана Чернова типичны.

На первомъ мѣстѣ онъ поставилъ пѣсню *Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою*. Это типичный „жестокій романсъ“. Степанъ совершенно правъ, утверждая, что пѣсня эта зашла изъ Москвы: это—одна изъ пѣсенъ, исполняемыхъ цыганскими хорами. А. П. Денисьевъ (Малышевъ) арранжировалъ „съ напѣва аркадійскихъ цыганъ“ этотъ романсъ для исполненія соло съ хоромъ и аккомпанементомъ на фортепіано.*)

---

*) Среди цыганъ. Собраніе новѣйшихъ цыганскихъ пѣсенъ и романсовъ Н. И. Шишкина, А. П. Денисьева (Малышева) и др., исполняемыхъ всѣми извѣстными цыганскими хорами. Спб. У К. Леопаса. № 73.

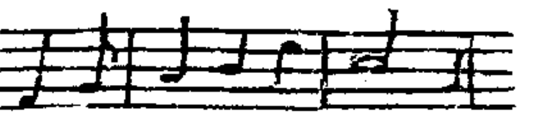
Вотъ печатный текстъ романса:

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятьяхъ ночной тишины...
Ничего намъ на свѣтѣ не надо,
Только видѣть тебя, милый мой;
Только видѣть тебя, безконечно
Любоваться твоей красотой...
Но увы, коротки наши встрѣчи,
Ты спѣшишь на свиданье съ другой!
Но иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется кровь.
Для кого я жила и страдала,
И кому я всю жизнь отдала—
Какъ цвѣтокъ ароматный весною,
Для тебя одного расцвѣла...
Ты поклялся любить меня вѣчно,
Какъ голубку, ласкалъ ты меня,
А теперь, надсмѣясь безконечно,
Ты покинулъ, оставилъ меня!

Мелодія для соло такова:

Чуд-ный мѣ - сяцъ плы - ветъ надъ рѣ - кою, Все въ объ - ять-

яхъ ноч - ной ти- ши - ны...

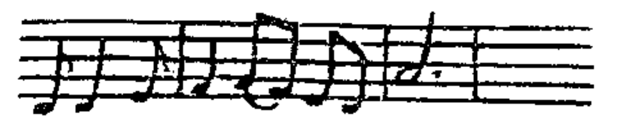
„Съ цыганскаго" же арранжировалъ Н. П. Штиберъ, для исполненія соло съ аккомпанементомъ на рояли, передѣлку романса „Чудный мѣсяцъ".

Вотъ мелодія и текстъ: *)

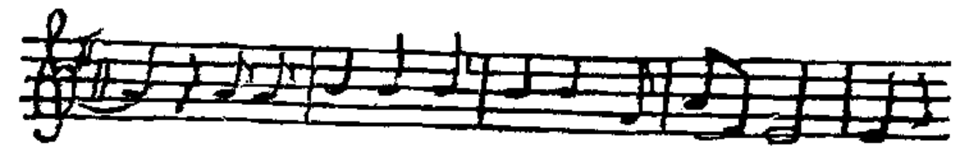

Чудный мѣсяцъ плы-ветъ надъ рѣ - ко - ю, Ти - хо

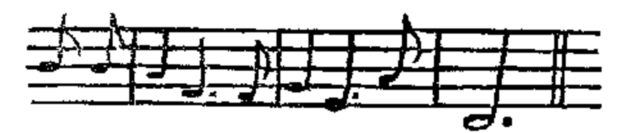
*) Тамъ же, № 74.

дремлетъ при - рода во - кругъ...

Какъ от - радно мнѣ - было съ то - бо - ю

Проводить тѣ ча - сы, милый другъ.

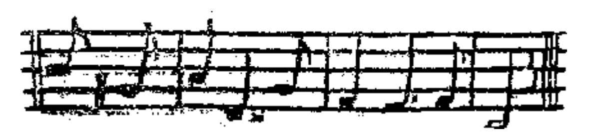
Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Тихо дремлетъ природа вокругъ...
Какъ отрадно мнѣ было съ тобою
Проводить тѣ часы, милый другъ;
Какъ хотѣлось внимать твоей рѣчи,
Любоваться твоей красотой...
Но какъ сонъ, пронеслись наши встрѣчи,
Позабылъ ты меня для другой.
Все прошло, пронеслось, и порою
Вспоминаю о томъ какъ во снѣ...
Но лишь мѣсяцъ взойдетъ надъ рѣкою,
Снова грезится прошлое мнѣ.

Было бы интересно и важно имѣть точную запись текста и напѣва этого романса, какъ онъ исполняется московскими цыганами, а также наблюдать ту среду, гдѣ становятся популярны цыганскіе романсы: это помогло бы выясненію вопроса о дальнѣйшемъ распространеніи по Россіи и обработкахъ этихъ романсовъ, тексты которыхъ принадлежатъ перу отчасти извѣстныхъ, большею же частью безвѣстныхъ поэтовъ-стихотворцевъ.

Въ деревнѣ Трисильномъ мелодія романса „Чудный мѣсяцъ" получила такой видъ*):

*) Съ голоса крестьянки той же деревни Авдотьи Климовой.

Все то - бой, до - ро - га - я мо - я.

Степанъ Черновъ, исполняя этотъ мотивъ романса, украшаетъ его форшлагами, видоизмѣняемыми совершенно произвольно при каждомъ повтореніи и не поддающимися записи.

Привожу текстъ романса, записанный съ голоса Степана:

Да я сижу и любую(сь) съ табою
Й притъ табой, дарагая мая...
Чуднай мѣсяцъ плывётъ надъ рикою,
Всё въ объятьи й начной тишиной [1])...
Ничиво шъ намъ [2]) на свѣти ни нада,
Й тольки видить тибе шъ, милай мой!
Толькя видить тибе бисканечйно [3])
Й любоватца шъ тваей красатой...
Но кароткаи [4]) наши й устрѣчи:
Ты спишишъ на свиданья къ другой!
Пусть адна я жила и страдала [5])
Пу́сть напрасна валнуитца груть!
Зли[6]) каво я жила и страдала,
Зли[6]) каво шъ я всю жисть аддала?
Зли[6]) тибе я жила и страдала,
И тибѣ я всю жисть аддала!
Какъ цвитокъ араматнай висною,
Зля[6]) тибе шъ й аднаво расцвила...
Ты паклялси шъ любить мине вѣчна
И ласкать какъ галупку шъ мине,
А типерь насміялси навѣчна,
Насміялси, всю жизнь загубилъ...
Я прасила тибе, умаляла,

---

[1]) Вар. тишинѣ.
[2]) Вар. мнѣ.
[3]) Послѣ Ч при пѣніи отчетливо слышится краткій гласный, близкій къ И.
✓ [4]) Вар.: Но/у вы (послѣ Н звукъ, колеблющійся между О и У: пѣвецъ слышалъ „но увы", но междометіе „увы" ему чуждо и непонятно) каратки.
[5]) Вар.: Ну, иди,—пусть адна я страдаю...
[6]) Для...

Што приди на свиданье са мной:
Ни пришолъ ты праститца са мною,
Й ну приди шъ на магилу маю!
Толька сонца, но ясно сіяла
Натъ кристомъ, надъ магилай маей,
А какъ каминь стаить й адинокай
Точна сторашъ магилы маей...
Ну, чиво шъ ты ляжишъ и ни устанишъ
Зля палезни раматныхъ*) цвитовъ?

Въ селѣ Ивнѣ Обоянскаго уѣзда (Курской губ.) текстъ романса принялъ такую форму:

Чудный мѣсяцъ плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятьи начной тишинѣ.
Ничиво мнѣ въ мірѣ ни нада,—
Толька видить тебе, милай мой,
Толька видить тибе бисканечна
Любаватца тваей красатой.
Ты паклялси любить мине вѣчна,
Какъ галупку ласкать завсигда;
Но иди, пусть адна я страдаю,
Пусть напрасна валнуитца груть.
Предъ иконай я стану съ мальбою
И всю жизнь замалю за тибя;
Штобы Боже паслалъ тибѣ счастья,
Штобы горя тибѣ ни взнавать.
И магила мая адинока,—
Не придешъ, ни паклонишси ей,
Толька яркая сонце высока
Надъ крестомъ маимъ бѣднымъ взайдётъ.
Атчево не праснёсся ты снова
Для цвѣтовъ араматныхъ палей? **)

Другимъ источникомъ, обогатившимъ пѣсенный репертуаръ Степана Чернова, была *трактирная поэзія;* ему очень понравился своимъ напѣвомъ (заунывнымъ, исполненнымъ музыкальныхъ украшеній) романсъ, который онъ усвоилъ въ такомъ видѣ:

Гариты ***) трупка й выгараить,
Табакъ—дымищо й вылиталъ;

---

*) Степанъ не могъ исправить этого искаженія и каждый разъ повторялъ его; наконецъ, чувствуя самъ, что здѣсь что-то не ладно, сталъ объяснять мнѣ (хотя я ничего еще не спрашивалъ, выжидая), что „цвѣты полезны", оттого такъ и поется. Дѣвушка изъ деревни, лежащей верстахъ въ 20 отъ Трисильнаго, произнесла этотъ стихъ безъ искаженія:

Зли палей, зля раматныхъ цвитовъ.

**) Записано отъ крестьянки Варвары Севрюковой, а эта послѣдняя выучила, вмѣстѣ съ подругами, пѣсню отъ „чужестранныхъ ребятъ", т. е. отъ городскихъ рабочихъ (Село Ивня не далеко отъ г. Обояни). Сообщено Е. И. Рѣзановою.

***) Горитъ; пѣвецъ отчетливо оканчивалъ это слово гласнымъ звукомъ, близкимъ къ Ы; точно такъ же выраженіе „на водку" въ другой пѣснѣ онъ отчетливо выводилъ голосомъ „на вотыку". Срв. отмѣченное выше „бисканечйно".

Пичаля мысли й абуяли,
Ну й паниволи задрималъ.
Ай всѣ палночи ѣдуть гости
Ка мнѣ съ висёлаю й талпой;
Везутъ бутылки рамавыи,
Свѣтла—шанпанская вино...
Родимай братъ, радной таваряшъ,
Сидѣлъ въ трахтиря за сталомъ
Въ ево й апухли лопъ да й очи,
На грудяхъ мѣла хвунтовъ пять...
Ахъ, вы не ройте мнѣ магилу
Да й на кладбищу на такомъ,
А вы выройте мнѣ магилу
Ой да въ трахтирѣ, въ кабакѣ; *)
Вы не званите ва всѣ звоны
Па пагрибенью маяму,
А зазвоните ва всѣ бутылки рамавые,
Свѣтла—шанпанская вино;
Вы ни кладите къ стѣнки нагами,
Но галавой патъ самый крантъ.

Литературный источникъ этой пѣсни—довольно извѣстный романсъ, распѣваемый, напр., нашею учащеюся молодежью, подъ названіемъ „Завѣщаніе пьяницы":

Друзья, подагрой изнуренный,
Ужъ я не въ силахъ больше пить,
И можетъ быть, въ сей жизни бренной
Не долго мнѣ осталось жить.

Въ томъ погребѣ меня заройте,
Гдѣ я съ друзьями пировалъ,
И такъ могилу мнѣ устройте,
Чтобъ я подъ бочкою лежалъ,

Оборотясь къ стѣнѣ ногами,
А головой подъ самый кранъ,
Держалъ обѣими руками
Огромный пуншевый стаканъ.

Въ колокола вы не звоните
При погребеніи моемъ,
А лучше рюмками стучите:
Вѣдь это—самый лучшій звонъ.

Темлякъ и шашку вы продайте,
Купите пьяницамъ вина,
Поповъ до-смерти накачайте,—
Вотъ вся духовная моя. **)

*) „Онъ былъ пьянчуга", пояснилъ пѣвецъ.

**) Сообщилъ студентъ Ист.-Филол. Института кн. Безбородко, Сергѣй Хрисанфовичъ Боборыкинъ.

Въ той же дер. Трисильномъ циркулируетъ пѣсня, въ которой нашла себѣ отраженіе и „трактирная" поэзія и поэзія „жестокихъ романсовъ": *)

Жилъ я въ городѣ въ Одес*тѣ*,
Много денегъ заробилъ;
Какъ пріѣхалъ въ Курскій городъ—
Усѣ деньги прокутилъ.
Пилъ я водку, пилъ наливку,
Музыкантовъ нанималъ;
Черезъ этихъ музыкантовъ
Я въ полицію попалъ;
Съ полицейскимъ разсчитался
Своимъ милымъ кошелькомъ,—
Осталося**) только денегъ
Три монеты серебра.
И на эти три монеты
Найму тройку лошадей,
Дамъ я кучеру на водку,
Чтобъ онъ подгонялъ скорѣй.
Сколько ѣхавши, въ дорогѣ
Захотѣлось покурить;
Папироска, другъ мой тайный,
Какъ тебя мнѣ не курить:
Въ тебѣ воздухъ ароматный,
На концѣ огонь горитъ....
Серпіёшка, другъ мой тайный,
Какъ мнѣ тебя не любить:
Въ тебѣ глазки голубые,
Кудри вьются по плечамъ...
Я колечко потеряла
Проти мальцова двора.
Вспомни, вспомни ту аллейку,
Гдѣ гуляли мы съ тобой;
Вспомни, вспомни ту скамейку,
Гдѣ сидѣли ты да я.
Ты да я—насъ съ тобой двое:
Ты вздохнешь—я повторю;
Поневолѣ сердце скажетъ,
Что одного тебя люблю...
Одной булочкой питалась,
Стаканъ чаю въ день пила;
Лучше-бъ всю я пищу ѣла,
И покойной жизнь была...
Одинокая могила
Среди кладбища стоитъ;
Милый на кладбище приходитъ,
Въ головахъ моей моги*лѣ*
Крестъ еловый *станавить*, ***)

*) Обозначаю курсивомъ слова, произношеніе которыхъ въ устахъ пѣвицы отличалось отъ обыкновеннаго южно-великорусскаго говора.
**) О съ удареніемъ.
***) И съ удареніемъ.

Во крестѣ моей могилѣ
Букетъ розы онъ *садить*. *)
Въ этомъ розовомъ букетѣ
Мое сердце заперто:
Отпереть никто не можетъ
Кромѣ друга моего.

Здѣсь пѣвица, съ голоса которой сдѣлана запись (дѣвица Авдотья Климова, крестьянка дер. Трисильнаго) соединила двѣ пѣсни въ одну. Другая дѣвушка изъ деревни, отстоящей верстъ на 20 отъ Останковой (Татьяна Карабанова изъ дер. Шагаровой, лежащей на границѣ Курскаго и Фатежскаго уѣздовъ), знаетъ эту пѣсню какъ двѣ различныя; вторая начинается со стиха:

Я колечко потеряла...

Откуда попали эти пѣсни въ деревню, выдаетъ словечко *серпіёшка*. Въ названномъ выше очеркѣ г. Золотарева „Пригородняя слобода Казацкая" сообщается:

„Каждая дѣвушка, ставши невѣстой, непремѣнно должна имѣть своего „обожателя", который обязанъ исправно, въ извѣстный часъ, ходить къ ней на уличныя свиданія.... Подойдя и поздоровавшись, каждый садится возлѣ своей избранницы, и каждая скамья представляетъ тѣсную группу паръ, при чемъ каждая пара въ полголоса ведетъ бесѣду... Молодецъ, имѣющій дѣвушку, къ которой ходитъ на улицу, зовется почему-то *серпіёшкою*"...**) Ясно, что пѣсня про „серпіёшку, тайнаго друга" прошла черезъ среду Курскаго предмѣстья, слободы Казацкой, которая расположена къ сѣверо-западу отъ г. Курска, а верстахъ въ тридцати въ томъ же сѣверо-западномъ направленіи находится деревня Останкова, Трисильное тожъ.

Пѣсня эта извѣстна и въ Суджанскомъ уѣздѣ; записать ее удалось отъ малоросски, выше названной Софіи Ахтырцевой изъ дер. Гоптаровки:

Папыроса, духъ пріятный!
Какъ же съ тэбе не курыть:
Съ тэбе воздухъ ароматный,
На концѣ огонь горыть.
Вспомны, вспомны ту йулейку
Противъ царскаво дворца,
Вспомны, вспомны ту скамейку,
Гдэ сидѣлъ жа ты да я.
Ты да я—съ тобой насъ двое,
Ты вздохнёшь—я повторю...
Поныволѣ сэрце скаже:
Одного тебя люблю.
Я въ концѣ твоей могылы
Букэтъ розы посажу.
Шо у томъ же у букэтѣ
Моё сэрцо замэрло...***).

*) И съ удареніемъ.
**) «Курскій Сборникъ», вып. 2, стр. 123.
***) Не окончена; пѣвица съ досадой сказала: „Забула, хай ей правыцы!" Сообщено Е. И. Рѣзановой.

Извѣстный романсъ, распѣваемый по городамъ уличными бродячими пѣвцами и пѣвицами, обыкновенно съ аккомпанементомъ арфы, „Разлука, ты разлука“, также опустился въ среду народа: одинъ варіантъ записанъ въ дер. Саломыковой Обоянскаго уѣзда*); привожу другой варіантъ, записанный въ Суджанскомъ уѣздѣ, отъ той же Софіи Ахтырцевой:

На што мнѣ мать род*ы*ла,
На што мнѣ Богъ создалъ?
Кого вэрно любыла,
Того мнѣ Богъ не далъ.
Всѣ пташки-канарейки
Всѣ жалобно поють,
А намъ съ тобою, милый,
Разлуки придають.
Разлука, ты разлука,
Чужая сторона!
Нихто насъ нэ разлучэ,
Ни мѣсяцъ ни заря,
Тольки насъ разлучэ
Сырая мать—земля.
На што намъ разлучатьца,
На што въ разлукы жить?
Нэ луччи ль намъ свинчатьца,
Любовью дорожить.
Любовъ наша гор*я*ча,
Ну, ж*а*рчѣе огня:
Огонь водою т*у*шать,
Любовъ нич*и*мъ нельзя.
Подайтэ мнѣ карэту,
Ще сѣраго коня,
Ну, сяду я, поѣду,
Дэ милая моя.
Мой милэнькой прыѣхалъ,
Подарочекъ прывёзъ:
Колэчко золотое,
Букэтъ душистыхъ розъ.
Колэчко распаялось,
Букэтъ совсѣмъ совьялъ...
Мой милэнькой дружочикъ
Любыть меня не сталъ**).

Срв. *Соболевскій*, Великорусскія народныя пѣсни, т. V, № 86.

Вл. Рѣзановъ.

Нѣжинъ.

---

*) «Курскій Сборникъ», вып. III, Курскъ 1902 г. Матеріалы по этнографіи Курской губерніи, часть 2-я, № 159, стр. 94.

**) Сообщено Е. И. Рѣзановою (звуки съ удареніемъ напечатаны курсивомъ).

СВАДЬБА.

(Бытъ).

Накануне свадьбы женихова и невестина родня готовятся къ предстоящему торжеству: пекутъ, варятъ и проч. Въ день свадьбы въ домъ жениха собирается вся его родня и, помолившись Богу, обедаютъ. После обеда, помолившись Богу, приносятъ шубу, кладутъ ее вверхъ шерстью у ногъ жениха, родители берутъ икону и благословляютъ его. Отецъ, взявъ въ руки икону, говоритъ:

— Богъ табе, д*ѣ*точка[1]), басловляить, и я басловляю.

Женихъ кладетъ три земныхъ поклона, прикладывается къ иконе, а затемъ троекратно целуетъ отца. После того мать беретъ въ руки икону и такимъ же образомъ благословляетъ сына. Затемъ все остальные домочадцы благословляютъ жениха.

Помолившись Богу, икону ставятъ на божничку (полочка подъ иконами), а поезжане идутъ во дворъ запрягать лошадей. Мать жениха или невестка укладываютъ въ сундукъ разный провіантъ для предстоящаго обеда у невесты. Затемъ выносятъ сундукъ, ставятъ на повозку, и поезжане входятъ съ кнутами въ хату, молятся Богу, обходятъ три раза кругомъ стола и отправляются въ путь. Женихъ садится съ дядькой и свахой. (Изъ родныхъ или знакомыхъ выбирается для жениха по дядьке и по свахе. Имъ воздаютъ должную честь). Сваха или какая-нибудь баба затягиваетъ песню:

Типл*а* в*а*да у калодизю стаяла,
Па беламу па каминю бижала,
А у вишанью, у въ арешанью стикала,
Вишанья, арешанья спадмыла.
А у вишанья, у въ арешанья конь стаялъ,
Возли коня, возли коня младъ дружк*о* (женихъ)
Чеша гриву, чеша гриву грибяшкомъ,
Гладя, масля коня па бидр*а*мъ,
А внизывая, а внизывая жемчужкомъ.
„Ай, коня мой, коня мой вараной!
Ни прядай, конь, ни прядай, конь, висако:
Табе ехать, конь, табе ехать, конь, далико,
Да у дальнію, у ближнію дарогу,
Кы богатому, кы богатому мужику.
Подъ краснаю, хвалёнаю девушку,
Подъ краснаю хвалёнаю Аксинью".
Хвальная наша девушка Аксинья
Семера каней ни взвязуть,
Головушекъ, головушекъ ни нясуть.
Кальны масты, кальны масты ни гнутца,
Тачёнаи масты ни качнутца.

---

[1]) Гласныя съ удареніемъ напечатаны здесь и далее курсивомъ.

Когда поѣздъ жениха приближается къ дому невѣсты, то поѣзжане поютъ:

Шелковая полушолковая
Трава зилиная,
А вся зимлиная!
Стаять кони за варотьями
А всѣ асидлавши,
Харашо убравши.
Вилять конямъ постояти,
Авса, сѣна дати,
А баярамъ падаждатца—
Аксиньи сабратца.
Жоли жо ли, Аксиньюшка,
Жо ли собралася?
А въ золата, а въ серебра
Жо ли увилася?
Ажно наша Аксиньюшка
Па навымъ сѣнямъ ходя,
Ажно наша Сахвонавна
Па волюшки тужа.
Свѣтъ ты мая, свѣтъ ты мая
Батюшкина воля!
У свекара у лютага
Такой воли ни будя.
Пузырвались, пузырвались
Кони вараныя,
Пабарвали кони вараныи
Павада шалкавыя.
Пасламали кони вараныя
Крыльца дубавыя,
Парастиряли кони вараныя
Тьвяты галубыя.
Позаду шла Аксиньюшка
Плакала-рыдала,
Тьвяты сабирала,
Винокъ савивала.

Въ это время у невѣсты приготовляются къ встрѣчѣ жениха. Подруги, одѣтыя въ лучшіе наряды, поютъ и пляшутъ въ домѣ невѣсты. Едва заслышутъ звонъ бубенцовъ и колокольчиковъ въ поѣздѣ жениха, сосѣди бросаются къ воротамъ невѣсты и затворяютъ ихъ, а дѣвушки поютъ:

У Сахвона Халимоныча
Начивали, варата растворяли,
Нивзначай гости въѣхали ва дворъ.
Аксиньюшка испужалась,
Сахвонавна узмиталась
Па сваемъ двару широкаму
Па териму зиленаму (?):
Сястрицы-падружиньки,

Я въ годъ замужъ ни пайду,
А въ два ни падумаю.
Увидилъ Михеюшка:
Ни пужайси, Аксиньюшка!
Я пріѣхалъ ни грубитель твой,
Я пріѣхалъ сукраситиль твой.
Сукрашу тваю галовушку,
Взвисялю тваю бисѣдушку.

Въ это время жениховы поѣзжане стучатъ въ ворота и говорятъ:

— Отворяйте ворота!

— Окупите, тогда и въѣзжайте! отвѣчаютъ мужики.

Кто-нибудь изъ поѣзжанъ беретъ бутылку водки, несетъ ее во дворъ и подноситъ сосѣдямъ по стакану водки.

Поѣзжанамъ отворяютъ ворота, и они въѣзжаютъ во дворъ, отпрягаютъ лошадей и входятъ въ хату. Здѣсь повторяется буквально то же, что и на пропоѣ: сначала поздравляютъ жениха съ невѣстой, затѣмъ идетъ жениховъ обѣдъ и невѣстинъ. По окончаніи второго обѣда подруги говорятъ:

— Сватокъ, милый, покатай насъ, мы проѣдемся!

Мужики запрягаютъ лошадей. Женихъ садится рядомъ съ невѣстой. Дорогой подруги поютъ пѣсни. Изрѣдка поѣздъ останавливается, и мужики пьютъ водку. Послѣ катанья подруги наряжаются въ лучшій нарядъ, и невѣста перемѣняетъ повязку, надѣваетъ бахромистый платокъ и садится въ хатѣ.

Въ это время женихова родня выходитъ въ сѣни, а остальные молятся Богу. Снова приносятъ шубу, постилаютъ вверхъ шерстью. Отецъ и мать берутъ икону и благословляютъ дочь.

Прости, мой батюшка,
Прости, баслови
На Божій судъ пойтить!
Спасибо, мой батюшка,
Што вскормили, вспоили,
Въ добраи люди проводили!...

Голоситъ невѣста, кладя земные поклоны. Затѣмъ прикладывается къ иконѣ, цѣлуетъ отца и плачетъ въ его объятіяхъ.

Затѣмъ мать невѣсты беретъ икону, и невѣста, обращаясь къ матери, причитываетъ:

Прости, моя матушка,
Прости, баслови,
На Божій судъ пойтить!..

Снова невѣста прикладывается къ иконѣ и плачетъ въ объятіяхъ матери. Всѣ присутствующіе благословляютъ невѣсту и ко всѣмъ присутствующимъ она обращается съ такими же причитаніями. Горе невѣсты производитъ на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Бабы плачутъ; кто только можетъ, выводитъ на голосъ какія-нибудь причитанія.

Милая моя сестрица,
Какъ ты у насъ росла-скоро выросла?
Какъ мы будемъ отъ тибе отвыкать?
Какъ мы будемъ пра тибе забувать?

Поетъ сестра невѣсты.

Благословивъ невѣсту, подруги садятся за столъ продавать невѣстину косу. Невѣста покрывается шалью, спускающейся на лицо. Садится на лавкѣ на подушкѣ передъ столомъ. Передъ ней кладутъ ковригу хлѣба, покрытую скатертью, и она кладетъ голову на хлѣбъ и плачетъ. Подруги поютъ пѣсни и пляшутъ.

Скуковала кукушичка за сяломъ—
Сплакнула Аксиньюшка за столомъ:
Пеня, пеня мой батюшка на мине,
Атдаваить мине молацу атъ сибе.
Ставаются всѣ тьвѣтики у тибе,
Ставаются лазоривые тьвяточки.
Ставай, ставай, маё дитишша, раненькя,
Паливай жа, мая милая, чистенькя,
И вутринними и вичерними зарями,
После туго горючими слизами.
Слёзъ ни станя—ключавою вадою.
Буду, буду, мой батюшка, уставать,
Буду, буду, мой милый, паливать.
И вутринними и вичерними зарями
После туго гарючими слизами,
Слёзъ ни станя, ключавою вадою!

Два мужика садятся по обѣимъ сторонамъ съ весёлками (тоненькая лопаточка, которою замѣшивается тѣсто на хлѣбъ) въ рукахъ и нѣсколькихъ шапкахъ, надѣтыхъ одна на другую. Жениховы сваты приходятъ торговаться за косу и спрашиваютъ мужиковъ, сидящихъ съ весёлками:

— Чѣмъ вы торгуете?

— Мы торгуемъ куницами, муницами, красными дѣвицами! Отвѣчаютъ мужики.

— Дѣломъ гаваритя, што вашъ товаръ стоить?

— Мы ниже, чѣмъ 200 рублей (т. е. 2 р.) не продадимъ. Пошли вонъ, вы нашего товару не купите, нашъ товаръ дорогой! Тутъ много ходятъ за подоконьями, сватаются, а вы только цѣну сбиваете?

Вонъ!..

Дѣвушка ваша, а косушка наша,
Наша коса ни рублевая,
Наша коса сторублевая!..

Поютъ подруги.

Сваты уходятъ и снова приходятъ.

У нашей тёшши въ хорошей невѣсты
Стой зять у пароза (на порогѣ)
На лютомъ мороза!..

Снова поютъ подруги.

— Говорите добромъ, сколько берете за косу? Берите 100 рублей, хорошая цѣна! Заявляютъ сваты.

— Нѣтъ, 150 р. (1 р. 50 к.)!

— Да ужъ берите 100 р. (1 р.) и магарыча подругамъ по стакану водки!

Если сваты скупятся и много торгуются, дѣвушки поютъ:

Сваталси выхвалялся сходатай-сватъ,
Онъ сваталси, выхвалялси, того-сего много,
Поѣхали, поглядѣли—адна пошаденка
И та безъ жирибенка!

Сходатай сватъ бросаетъ деньги на столъ за невѣстину косу, и, если мало, подруги продолжаютъ пѣть:

Штобъ ни стыдно, ни позорна сходатому свату,
Онъ сваталси выхвалялси—того сиго·много,
Поѣхали поглядѣли—адна каравенка
И та бизъ тилёнка!

Опять бросаются деньги и, если мало, подруги поютъ дальше:

У нашего свата
Обручомъ голова сбита,
Саломаю сшита!
У нашего свата
На горбу заплата
Возгрёмъ (носовая слизь) застигнута!
Ѣдя сватъ съ гароду,
Лошадь какъ карова,
Самъ, какъ ворона,
Паганяя ни кнутами
Аржаными каласами.
На пялицы мухотка,
А на свату чихотка.
Табѣ было бъ, сватъ, ни сватáтца,
Табѣ было бъ свиней стиречь.
Па полю да па выгану
Съ большою дубинаю.

Чтобы избѣжать срама, сходатай-сватъ даетъ подругамъ денегъ, и тѣ, получивъ требуемую сумму—рубля полтора—пьютъ могарычъ и поютъ:

Брала, брала Аксиньюшка ленъ, ленъ,
Высылала подругъ вонъ, вонъ.
На што было брати,
Коли вонъ высылати!

Послѣ этого выходитъ женихъ, приподнимаетъ невѣсту отъ ковриги, троекратно цѣлуется съ ней и садится на подушкѣ по ея правую руку. Мать невѣсты приготовляетъ новый обѣдъ. Свахи—невѣстина и женихова—берутъ овса и осыпаютъ имъ поѣзжанъ.

Невѣстина сваха беретъ невѣстинъ платокъ, кладетъ себѣ на голову, а сверху покрывается шапкой жениха, беретъ затѣмъ невѣстину косу, выплетаетъ косникъ и вѣшаетъ его на крючокъ.

Свашенька, гаголушка,
Ни путай галовушку,
Ни расплитай русай касы!

Поютъ подруги. Затѣмъ сваха беретъ изъ ложки коровье масло, маслитъ до трехъ разъ голову жениха и невѣсты, а подруги поютъ:

Князя, вы бояря,
Чеснаи паизжаня!
Есть ли въ васъ, есть ли въ васъ
Стаялаи кони?
Паняйтя, паняйтя
Въ иной гарадочикъ,
Купитя вы, купитя вы
Новай грибяшочикъ,
Чашитя, маслитя
Аксиньины косы,
Чашитя, маслитя
Михеевы кудри (3 раза).

Если сваха молча расплетаетъ косу, то подруги поютъ:

Дайте свахѣ качена (пѣтуха),
Штобы пѣсню начала!
А свашенькя колча
Расплетая косу молча.
Дали свахи качена
Ана пѣсню начала.
Стали косушку расплитать,
Стали русаю рвать да митать,
Шелковъ касничокъ выплетать,
Шелковъ касничокъ на крючокъ,
Золотъ винецъ на сталецъ,
Русую косушку подъ винецъ.

Затѣмъ сваха беретъ повивальныя свѣчи, обертываетъ ихъ полотенцемъ и обводитъ ими до трехъ разъ кругомъ жениха и невѣсты, а подруги поютъ:

Трубы трубя пазалочинаи,
Свѣчи горя повивальнаи,
Увиваютца два голуба,
Павиваются два сизаи,
Аксинья съ Михеемъ повиваютца.

Михеюшка нѣмчикъ
Снялъ съ Аксиньи вѣнчикъ,

Накинулъ намётку,
Што на бѣлаю либетку!

Затѣмъ этимъ же полотенцемъ покрываютъ жениха съ невѣстой и стукаютъ головой другъ объ друга, чтобъ дружно жили. Невѣсту покрываютъ шалью, а сверху полотенцемъ, закрывающимъ лицо ея. Идетъ второй невѣстинъ обѣдъ. Гости пьютъ водку и угощаются. Женихъ съ невѣстой сидятъ въ концѣ стола, ничего не ѣдятъ, а подруги все время поютъ и пляшутъ.

Сгуркнула, сгуркнула галубка,
У голубничку сѣдивчи,
На бѣлое стадичко глядивчи:
Свѣтъ—мое стадичко улетѣло,
А я за неволею осталась,
За неволею большой
За крайнею нуждой.
По полю летала,
Чирзъ зилёнай сатъ литѣла,
Правое крылушка сломила,
Сизая перушка потеряла.
Шшо по полю литала,
По три зернушка сбирала,
По три зернушка яровыхъ.
Первая зернушка пашаничка,
Другоя зернушка грячишка,
Третья зернушка кукалёкъ,
Сплакнула, сплакнула Аксинья,
У теремѣ сѣдявчи,
На сваихъ сестеръ-подругъ глядивчи:
Свѣтъ, мои сястрицы-подружки
Всѣ на вулицу павошли,
А я за неволею осталась,
За неволею большою
Все за краюнею нуждою:
Да я па териму гуляла,
Русаю косушку потеряла,
Да што матушка плитала,
Падъ акошечкомъ сѣдивчи,
На свитёлъ мѣсяцъ глядивчи,
Три славечушка молавчи:
Будь, мая дитятка, учлива,
Почитай свекра съ свикровью,
И всѣхъ большихъ и меньшихъ дивярьевъ
И невѣстушекъ, заловокъ.

А у поли при дарози
Ичмень уродилси.
Ичменюшка урадилси

Иравой каласистай,
Иравой, иравой каласистай,
Зернушкамъ ядристай.
А красной жа Аксиньюшки
Ёнъ жа пригадилси:
А красная Аксиньюшка
Иравой ичмень жала;
Ана жала—выжанала
Па дномъ каласочку,
Па дномъ, па дномъ каласочку,
Па дномъ, па ядинамъ.
Па лѣвай бокъ старонушки
Ана горсточки клала,
Па правай бокъ старонушки
Стёшка-дарошка лижала.
Па тэй стёшки па дарошки
Ни ходу ни ѣзду,
Ни конемъ жа, да ни пѣшею,
Ни днёмъ да ни вечирамъ.
Тольки ѣхалъ да праѣхалъ
Молодой Михеюшка
Молодинькяй, хорошинькяй
На воронамъ коню.
Ёнъ коня упялъ, ёнъ шапку снялъ,
Низко поклонился.
А ёнъ низко поклонился,
Близко становился,
А ёнъ близко становился
Въ глаза подивился:
— Богъ на помощь, Аксиньюшка,
Иравой ичмень жати!
Табѣ жати—выжанати,
А мнѣ постояти,
Каня пакармити,
Рѣчи згаварити,
Рѣчи все тайнаи.
Да што жа ты, Аксиньюшка,
Да мала нажала?—
— „Михеюшка Сергѣевичъ
Ни съ кѣмъ ни стояла—
Иравой ичмень жала.
Жала, жала—употѣла,
Пить, ѣсть захотѣла.
Да ни можешь ли, Михеюшка,
Колясъ упинити,
Съ коляски ступити,
Во торгъ воступити,
Калачикъ купити.
И пряничка и калачика,
Сладкаго изюму,

Зеленаго винограду,
Да и пряничковъ на гривну,
Мядку на полтину.
Михеюшка Сергѣевичъ,
И я-то съ тобою!"
— Аксиньюшка Сахвоновна,
Тамъ нельзя съ тобою:
А тамъ лѣсы, а тамъ лѣсы
Лѣсы все тямныи,
А тамъ звѣрья, а тамъ звѣрья
Звѣрья все лютыи.—
„Михеюшка Сергѣевичъ,
Мы тому догодимъ:
А дѣ лѣсы всё тямныи,
А мы съ финарями;
А йдѣ звѣрья всё лютыи,
А мы сы ружьями.
А мы волчушку заколимъ,
Шубочку покроимъ,
А лисичку мы задушимъ—
Шубочку апушимъ,
А мы заюшку улавимъ—
Халадца напаримъ.

Ни шуми, зеленый лѣсъ-дуброва!
Некому дубровушку сѣчь да рубить,
Некому зеленаю скарянить.
У нашега Дружилушки дома нѣтъ,
У нашега Дружиловича нѣтути.
Поѣхалъ жа Дружилушка въ инъ горатъ,
Ой, въ инъ городъ, въ инъ городъ—на базаръ,
Да павёзъ жа ёнъ зяленъ кавтанъ продавать.
Абапала (=около) иго тарговачки таргують,
Абапала иго ильмовачки ильмують.
„Хочь таргуйтя, ни таргуйтя, таргавки,
Хочь ильмуйтя, хочь ни ильмуйтя, ильмовки,
Да я жъ вамъ жа зялёнъ кавтанъ ни прадамъ.
Да я жъ сваей радни свахи даромъ дамъ,
Ой, даромъ дамъ, даромъ дамъ—подарю,
Да я жъ свою ранню сваху снаряжу.
Не шуми, зеленай лѣсъ—дуброва!
Некому дубровушку сѣчь да рубить,
Некому зеленаю скарянить.
У нашега Михеюшки дома нѣтъ,
У нашега Сергѣевича нѣтути.
Поѣхалъ нашъ Михеюшка въ инъ горатъ,
А въ инъ горатъ, въ инъ горатъ—на базаръ,
Да павёзъ жа ёнъ шалковъ поисъ продавать.
Абапала иго тарговачки таргують.
Абапала иго ильмовачки ильмують.

„Хочь таргуйтя, ни таргуйтя, тарговки,
Хочь ильмуйтя, хочь ни ильмуйтя, ильмовки,
Да я шъ вамъ жа свой шалковъ поисъ ни прадамъ:
Да я шъ своей Аксиньюшки даромъ дамъ,
Да я шъ своей Сахвонавны подарю,
Да я сваю Сахвонавну снаряжу.

Когда отойдетъ обѣдъ, собираются ѣхать къ вѣнцу. Это бываетъ обыкновенно къ концу дня. Поѣзжане выходятъ запрягать лошадей. Придя въ хату съ кнутами, молятся Богу и обходятъ до трехъ разъ кругомъ стола. Впереди идетъ сходатай-сватъ, потомъ дядька, женихъ, невѣста, другой дядька, свахи и остальные гости. Еще разъ молятся Богу и выходятъ въ такомъ же порядкѣ во дворъ. Женихъ подсаживаетъ невѣсту въ повозку. Въ первой повозкѣ ѣдетъ кто-нибудь изъ гостей, во второй—невѣста съ своей свахой и дядькой, въ третьей—женихъ съ свахой и дядькой, а затѣмъ—всѣ остальные гости, а послѣ всего—подвода съ невѣстинымъ добромъ. (Сундукъ приходится выкупать у подругъ; сходатай-сватъ даетъ имъ 10 коп.).

Дѣвушки поютъ:

На дворѣ все зелье
Виселая у Сахвонушки виселья
На бѣднаю Аксиньину галаву.
Выходила Аксиньюшка за ворота,
Выбивала китайкiю ворота,
Все разными—шелковыми, полушелковыми.
Напинала Аксиньюшка на дворѣ бѣлай шатеръ,
Посадила нимилаго у шатрѣ,
Сама пошла въ теремъ Богу малитца:
Создай, Боже, лютай марозъ на дворѣ
Заморосьте немилаго у шатрѣ,
Немилаго, постылаго у бялломъ.

Подруги „обыгрываютъ“ поѣзжанъ, т. е. величаютъ ихъ, поятъ поѣзжанъ квасомъ, а тѣ за это кладутъ деньги. Старшая подруга беретъ стаканъ водки на подносѣ, подходитъ къ поѣзжанину и поетъ:

Ходитъ гогаль, ходитъ гогаль
Сы гаголушкою,
А у гоголя залатая галава,
А у гаголушки пазалоченая,
Гаголокъ то Михеюшка
Бѣленькiй Сергѣевичъ,
Гаголка Аксиньюшка,
Бѣлая Сахвонавна.
Яму большiй братъ позавидовалъ:
„Кабы у мине такова жена была,
Я пъ ее ва калясачки вазилъ,
А самъ бы я у запятачкахъ стаялъ“.

Чтой-та за садочикъ,
Чтой-та за зилёнай,
А въ томъ ва садочку
Тамъ наши радитили были,
Пріятели жили,
Гарилачку пили,
Пили, выпивали,
Гарилачку наливали
Васильюшки выпивати,
Хватѣевичу выливати.
Васильюшка выпивалъ,
Хватѣевичъ выливалъ
Збокъ Прасковьюшки Григорьевны
Вонъ стаялъ,
Прасковьи Григорьевнай
Рюмачку горилачки выливалъ.

Когда поѣздъ приближается къ церкви, пѣнье умолкаетъ. Въ церковь входятъ въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ дядька, позади—женихъ съ невѣстой, затѣмъ другой дядька съ двумя свахами, а дальше—всѣ остальные поѣзжане. Послѣ вѣнчанья невѣстина сваха отводитъ невѣсту въ сторону, расплетаетъ косу, заплетаетъ волосы въ двѣ косы, надѣваетъ на нее „златоглавый“ (кокошникъ), покрываетъ ея лицо бѣлымъ полотенцемъ,—и поѣзжане съ пѣснями возвращаются домой. Сосѣди затворяютъ ворота жениха. Жениховъ отецъ поитъ сосѣдей водкой. Въ это время въ воротахъ сосѣди зажигаютъ солому, такъ что поѣздъ долженъ проѣхать черезъ горящую солому.

По пріѣздѣ въ домъ жениха молодую раскрываютъ. Молодые сидятъ. Всѣ глазѣютъ на нихъ. Собираютъ обѣдъ, который бываетъ уже вечеромъ; послѣ обѣда всѣ укладываются спать. Дядька съ двумя свахами отводитъ молодыхъ въ „пýньку“—амбарчикъ. Въ какой одеждѣ молодые подъ вѣнцомъ, въ той и ложатся спать, не раздѣваясь. На другой день дядька и свахи берутъ бутылку водки и идутъ поднимать молодыхъ. Здѣсь угощаютъ молодыхъ водкой и ведутъ въ хату. Здѣсь молодайка умывается и наряжается въ другой нарядъ. Всѣ садятся за столъ обѣдать. Послѣ обѣда молодайка переодѣвается въ новый нарядъ. Молодая беретъ вѣникъ, а дядька обертываетъ ступу соломой, приноситъ ее въ избу и говоритъ:

— Вотъ за свадьбою не доглядѣли,—замерзъ теленокъ!—И бросаетъ ступу объ полъ. Молодайка выметаетъ солому, присутствующіе мѣшаютъ ей это дѣлать, разнося ногами солому по всей хатѣ.

— Ты, Сахвоновна, мяти, да смотри, што нападается, то твое! Говорятъ поѣзжане, бросая деньги въ солому.

— А ты, Михей, выбрось-ка теленка, онъ теперь не нуженъ, онъ замерзъ! Говорятъ поѣзжане. Женихъ беретъ вилы и выкидываетъ въ сѣни ступу съ соломой. Посылаютъ молодыхъ принести воды въ „изварá“ (извара—большое деревянное ведро съ ушками; оно надѣвается на „хлудъ“—коромысло и виситъ посрединѣ его, концы же лежатъ на плечахъ несущихъ). На половинѣ дороги поѣзжане выливаютъ воду. Молодые покор-

но отправляются снова за водой. Такъ дѣлаютъ нѣсколько разъ. Наконецъ бабы берутъ „извару“ и приносятъ въ ней воду въ домъ жениха.

Послѣ этого молодые одѣваются въ самый лучшій нарядъ (молодая одѣваетъ жениха въ нарядъ, приготовленный ею до свадьбы), берутъ четверть водки, стаканъ и тарелочку съ дарами. Всѣ поздравляютъ молодыхъ, и невѣста одариваетъ жениха и всѣхъ родныхъ подарками. Послѣ этого молодые ѣдутъ въ гости къ каждому изъ поѣзжанъ, гдѣ и „гуляютъ“ (веселятся). Послѣ этого всѣ разъѣзжаются по домамъ.

Въ первый годъ замужества молодую не неволятъ работой: печки она не топитъ, а справляетъ болѣе легкую работу. Молодые первый годъ, какъ бы ни была сурова зима, спятъ на дворѣ въ „пунькѣ“ (кладовой) и „не говѣютъ“. На масленицѣ молодые „гуляютъ“ въ домѣ невѣстина отца. Молодой покупаетъ роднымъ своей жены „дары“: бабамъ по деревянной чашкѣ и фунту мыла, мужикамъ по тарелкѣ и по стакану, а иногда и по графину, а ребятишкамъ по фунту бубликовъ. Женихъ пріѣзжаетъ съ своимъ обѣдомъ, которымъ и угощаетъ родныхъ. Отецъ молодой даетъ дочери либо овечку, либо телушку, а кто богаче—корову и лошадь.

На первой недѣлѣ Великаго поста въ субботу, называемую „даровою“, молодые снова ѣдутъ въ гости къ женину отцу съ своимъ обѣдомъ, и нерѣдко родители дарятъ снова своей дочери что-либо изъ скота.

Пройдетъ годъ,—начинается для женщины тяжелая трудовая жизнь. Въ два-три года она старѣетъ, такъ что трудно бываетъ узнать въ ней прежнюю здоровую цвѣтущую дѣвушку.

Воля, моя волюшка,
Воля моя дѣвичья,
Молоду замужъ выдали
На чужую сторону,
Заключили голову.
А въ мине, молодой, мужъ рявнивъ,
Не пуская на вулицу
Поиграть на широкаю.

Л. И. Соловьева.

Село Шелковка,
Обоянскаго уѣзда.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

(С. Гоптаровка).

1. „Сватанье".

„Сватанье" происходитъ слѣдующимъ образомъ. Женихъ идетъ къ дивчатамъ, гдѣ сидитъ невѣста, и бесѣдуетъ съ ней, а сваты съ хлѣбомъ идутъ въ ея хату. Постучавщись въ окно, они просятъ хозяевъ пустить ихъ переночевать. Хозяева отвѣчаютъ, что у нихъ тѣсно. (Часто родители не знаютъ, что должны притти сваты, а невѣста знаетъ). Сваты говорятъ, что они выслѣдили лисицу (или куницу), слѣдъ которой идетъ къ этой хатѣ; или: „у васъ товаръ, у насъ купецъ".

Ихъ впускаютъ. Если хотятъ отдать невѣсту, сватовъ принимаютъ любезно, если же нѣтъ—пріемъ бываетъ очень сухой. Въ первомъ случаѣ мѣняютъ хлѣбъ (ихъ хлѣбъ оставляютъ себѣ, а имъ даютъ свой), во второмъ—хлѣба не берутъ и обѣщаютъ передать отвѣтъ черезъ другихъ, или прямо говорятъ, что несогласны.

Если родителямъ невѣсты сватовство по душѣ, они зовутъ дочь и жениха и спрашиваютъ ихъ, согласны ли они пожениться? Если отвѣтъ утвердительный, невѣста перевязываетъ руки двумъ сватамъ, жениху и „боярину" (шаферу) платками или „рушниками" и подноситъ всѣмъ по рюмкѣ водки; пьющіе кладутъ на тарелку деньги—копейку, двѣ. Послѣ этого молодежь (женихъ, „бояринъ", невѣста съ подругами) уходятъ на цѣлую ночь „гулять" „на досвитки"[1])—въ чужую хату[2]), а сваты съ родителями невѣсты „гуляютъ" въ ихъ хатѣ.

2. „Могарычъ", или договоръ.

На другой день или черезъ нѣсколько дней послѣ „сватанья", жениховы родственники собираются у жениха и ѣдутъ компаніей къ родителямъ невѣсты. Потомъ невѣстины родственники ѣдутъ вмѣстѣ съ этой компаніей къ родителямъ жениха (иногда наоборотъ). Тутъ они „договариваются", когда свадьба, кому какіе подарки: теткамъ и дядькамъ—платки, отцу невѣсты—колачъ, а матери—сапоги[3]).

---

[1]) Гласныя съ удареніемъ напечатаны здѣсь и далѣе курсивомъ.

[2]) Обыкновенно молодежь нанимаетъ отдѣльную хату, гдѣ собирается по вечерамъ „на досвитки": хлопцы и дивчата поютъ, играютъ далеко за полночь.

[3]) Отсюда пѣсня (не свадебная):

О це шъ тіи чоботы,
Шо зятъ давъ,
А за тіи чоботы
Дочк*у* взявъ.
О це тіи чоботы,
Шо зъ бычка,
Чого вы ны р*о*бытэ,
Якъ дочк*а*?
На ричку йдуть чоботы
Ск*а*чучи,
А зъ рички йдуть чоботы
Пл*а*чучи.

3. Свадьба.

Вѣнчаются всегда въ воскресенье.

Убирая хату передъ свадьбой, вѣшаютъ въ каждый уголъ по пучку „жита“.

Въ субботу, наканунѣ вѣнчанья, въ домѣ жениха и въ домѣ невѣсты сзываютъ родственниковъ и пекутъ „каравай“. „Каравай“—большой пшеничный хлѣбъ съ большой, сдѣланной изъ тѣста, *розой* посрединѣ (называемой „шишка“), украшенный вылѣпленными изъ тѣста птичками (тоже „шишки“).

Передъ тѣмъ, какъ сажать „каравай“ въ печь, поютъ:

Пичка гого́чить—
Караваю хочить,
А припичекъ залива́етця—
Караваю сподиваетця*).

Когда „каравай“ посадятъ въ печь, двое мужчинъ и двѣ женщины берутъ дежу́**), подбрасываютъ ее вверхъ и кружатся. Пока дежа вверху, визави должны поцѣловаться; кто не успѣетъ сдѣлать этого, тотъ долженъ купить водки.

Вынувъ изъ печи, „каравай“ ставятъ на столъ. Въ него втыкаютъ вѣтки сосны, а если нѣтъ сосны, то—вѣтки вишни; вишневыя вѣтки убираютъ разноцвѣтной бумагой, конфектами, бумажными цвѣтами и проч.

Около „каравая“ ставятъ двѣ бутылки съ краснымъ бурачнымъ квасомъ съ колосьями вмѣсто пробокъ, связанныя красными нитками; эти бутылки называются „сорока“. Возлѣ ставится тарелка, на которой лежатъ двѣ ложки, тоже связанныя красной ниткой: это—приданое невѣсты, она возьметъ его съ собой.

Когда „каравай“ готовъ, невѣста одѣвается и идетъ звать подругъ и гостей на свадьбу. Старшей дру́жкѣ (шаферицѣ) дается „паляныця“***), и она ходитъ съ ней по всей деревнѣ. Если женихъ въ этой же деревнѣ, то дѣвушки заходятъ въ его хату; ихъ угощаютъ виномъ, и онѣ разламываютъ „паляныцю“ и съѣдаютъ. Если же женихъ изъ другой деревни, то „паляныця“ съѣдается дома, по возвращенiи.

Приглашаетъ гостей невѣста такими словами:

— Проха́въ ба́тько, проха́ла ма́ты, прошу и я; приходьтэ на висилле! Сдилайтэ милость, будьтэ таки добри!—При этомъ она обязательно кланяется три раза въ ноги даже трехлѣтнимъ дѣтямъ.

По возвращенiи домой невѣста съ подругами входитъ въ сѣни, и дѣвушки начинаютъ пѣть свадебныя пѣсни.

Изъ хаты выходятъ отецъ и мать (родные и крестные), а иногда и другiе родственники—съ хлѣбомъ и солью и садятся на скамейку (въ

---

*) Дожидается.
**) *Дежа*—небольшая кадка, въ которой мѣсятъ тѣсто.
***) Лепешка.

сѣняхъ). Невѣста кланяется въ ноги всѣмъ по три раза, и они ее благословляютъ.

(Когда зовутъ родственниковъ благословлять невѣсту, они очень церемонятся: „Хай риднійшіи"! Говорятъ они*). Тотчасъ же соглашаться итти на приглашеніе не хорошо,—скажутъ: „не успѣли позвать, уже идетъ!")

Въ хатѣ въ это время за отдѣльнымъ столомъ важно сидятъ два старосты**), перевязанные рушниками. Женатый братъ невѣсты или другой родственникъ, если нѣтъ брата, ведетъ ее изъ сѣней въ хату платочкомъ (она держитъ одинъ конецъ платка, онъ—другой) и говоритъ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!
— Аминь! отвѣчаютъ старосты.
— А за аминь спасибо! говоритъ братъ.—А старосты! паны старосты!
— А мы ради слухать! отвѣчаютъ старосты.
— Аблагословить***) молодую за столъ завести!
— Богъ благословить! отвѣчаютъ старосты.
— Въ другый разъ и въ трэтій!
— Т*ри*чи****) разомъ!..

Братъ ведетъ молодую за столъ, а за ней идутъ дружки (подруги) по старшинству, и всѣ садятся за столъ, гдѣ стоитъ каравай.

Всѣмъ даютъ по рюмкѣ водки и провожаютъ „на гулянки" (дѣвичникъ) въ чужую хату*****).

Въ это же время женихъ съ родными продѣлываетъ тоже (благословеніе въ сѣняхъ и проч.), послѣ чего заходитъ съ „боярами" въ хату невѣсты; ихъ сажаютъ за столъ, угощаютъ водкой и выпроваживаютъ „на гулянки" къ невѣстѣ. Женихъ идетъ туда съ музыкой—„тро*и*ста": двѣ скрипки и басъ, а у богатыхъ еще и бубны. Гуляютъ цѣлую ночь. Утромъ (въ воскресенье) идутъ въ церковь вѣнчаться. Изъ церкви женихъ идетъ „по своимъ боярамъ", изъ которыхъ у каждаго онъ долженъ пообѣдать, а невѣста идетъ къ каждой изъ своихъ „дружекъ"—тоже обѣдать (причемъ первое блюдо всегда—„паляныця" съ сметаной и жареное сало).

Потомъ женихъ возвращается къ своимъ родителямъ, невѣста къ своимъ.

Жениха всѣ родные опять благословляютъ въ сѣняхъ такъ же, какъ наканунѣ, потомъ садятъ за столъ. Съ лѣвой стороны его садятся „бояре", а съ правой—сестра или другая родственница—„свит*и*лка". „Свит*и*лка" держитъ въ рукахъ саблю концомъ внизъ; сабля перевязана платочкомъ, а къ ручкѣ ея приклеена свѣчка (не горящая). Выпивъ водки, всѣ выходятъ изъ-за стола и садятся въ телѣги, или сани: впереди тройка для жениха и „бояръ", дальше—пара для „свит*и*лки", позади—лошадь для остальныхъ поѣзжанъ. Лошади убраны лентами, на дугѣ намотанъ красный поясъ и развѣвается платокъ. Мать жениха выходитъ провожать

*) Т. е.: пусть благословляютъ болѣе близкіе родственники.
**) Сваты.
***) Аблагословить—повелительное наклоненіе.
****) Т*ри*чи—трижды.
*****) См. II примѣч. на 43 стр.

сына. Надѣвъ вывернутый вверхъ шерстью кожухъ и насыпавъ себѣ въ передникъ овса, орѣховъ, конфектъ, мелкихъ денегъ и проч., она бѣгаетъ вокругъ поѣзда и осыпаетъ всѣхъ овсомъ и прочимъ, что у нея въ передникѣ, а за ней, верхомъ на палкѣ, бѣгаетъ сватъ и погоняетъ ее „дрючкомъ"*). Объѣжавъ поѣздъ три раза, они (мать жениха и сватъ) останавливаются, молятся Богу, разламываютъ палку на четыре части и бросаютъ ее на четыре стороны. Потомъ мать беретъ подъ уздцы коренную лошадь передняго экипажа, гдѣ сидитъ женихъ,—выводитъ со двора, и поѣздъ отправляется за невѣстой.

Пріѣзжаютъ къ невѣстѣ,—ея нѣтъ дома: она у подруги. Женихъ ѣдетъ ее отыскивать, а „свитилка" и другіе поѣзжане у воротъ ждутъ его возвращенія.

Найдя невѣсту, женихъ кланяется ей и зоветъ домой**). Потомъ онъ уѣзжаетъ съ „боярами", а она съ дружками возвращается пѣшкомъ.

Въ сѣняхъ продѣлывается таже церемонія, какъ и наканунѣ (см. выше), женатый братъ ведетъ невѣсту и говоритъ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!
— Аминь! говорятъ старосты.
— А за аминь спасибо! А старосты! паны старосты!
— А мы ради слухать!
— Аблагословить молодую за столъ завести!
— Богъ благословить!
— Въ другый разъ и въ трэтій!
— Тричи разомъ!...

Молодую съ подругами сажаютъ за столъ на постланный вверхъ шерстью кожухъ.

Тогда жениха впускаютъ во дворъ. Выходитъ мать невѣсты, одѣтая въ вывернутый вверхъ шерстью кожухъ, въ вывернутой наизнанку шапкѣ; она выноситъ горшечекъ съ квасомъ, въ который всыпано немного овса, и подаетъ жениху пить. Женихъ беретъ горшокъ и выливаетъ его себѣ за спину. Тогда его съ „боярами" приглашаютъ въ хату.

На порогѣ въ сѣняхъ стоятъ двѣ бабы съ хлѣбами въ рукахъ. Когда женихъ пройдетъ мимо нихъ, онѣ обмѣниваются хлѣбами, и потомъ продѣлываютъ это послѣ каждаго прошедшаго въ избу.

„Свитилка" зажигаетъ свою свѣчу въ сѣняхъ и входитъ въ избу съ горящей свѣчою.

Входятъ въ избу съ такою же церемоніей, какъ наканунѣ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!***)
— Аминь!
— А за аминь спасибо! А старосты! паны старосты!
— А мы ради слухать!
— Аблагословить молодово князя за столъ посадить?
— Богъ благословить!
— Въ другый разъ и въ трэтій!
— Тричи разомъ!...

---

*) Хворостиной.

**) Иной женихъ не хочетъ кланяться, она не хочетъ итти, плачетъ,—„значитъ, онъ сердитый"...

***) Записывая свадебные обряды, я не спросила, *кто* ведетъ жениха и произноситъ эти слова; теперь же я не имѣла возможности сдѣлать это.

Когда жениха подводятъ къ столу, мальчишки не пускаютъ его и бросаютъ репейникъ въ голову старостѣ. Староста даетъ мальчишкамъ по копейкѣ, и они отстаютъ. Заводятъ жениха (платочкомъ) за столъ и сажаютъ рядомъ съ невѣстой; „бояре" садятся напротивъ.—Пока вводятъ жениха, невѣста сидитъ, положивъ голову на столъ, а дружка ее придерживаетъ. Женихъ, сѣвши подлѣ невѣсты, тоже кладетъ голову на столъ. „Свитилка" съ горящей свѣчою подходитъ къ жениху съ невѣстой и обводитъ своей саблей вокругъ ихъ головъ, послѣ чего стучитъ саблей о столъ; потомъ въ другой разъ обводитъ саблей головы молодыхъ и стучитъ о столъ и въ третій; послѣ этого она тушитъ свѣчу, ставитъ саблю въ уголъ и садится около жениха, а около невѣсты сидитъ „свашка", привезшая подарки.

Начинается угощенье. „Свашка" достаетъ изъ сумки подарки, кладетъ на тарелки, а дружко*) подаетъ кому слѣдуетъ. (Сапоги матери невѣсты кладутъ тоже на тарелку). „Боярамъ" перевязываютъ руки платками, а дружекъ невѣста даритъ лентами.

Дружку подаютъ рушникъ, онъ перевязывается и говоритъ:

— А старосты! паны старосты!

— А мы ради слухать! говорятъ старосты.

— Аблагословить хлібъ-силь по родычамъ разнэсты!

— Богъ благословить!

— Въ другый разъ и въ трэтій.

— Тричи разомъ!..

Тогда дружко рѣжетъ каравай. Прежде всего вырѣзываетъ розу— „большую шишку", завязываетъ въ платокъ и подаетъ „старшему боярину" (шаферу), который долженъ отвезти ее отцу и матери жениха, когда повезутъ невѣсту.

Потомъ онъ рѣжетъ каравай на куски и раздаетъ всѣмъ. Подѣливши каравай, пьютъ водку и немного закусываютъ. Первую рюмку подносятъ невѣстѣ: она отсылаетъ ее матери. Ей подносятъ другую: она отсылаетъ отцу. Слѣдующія подносимыя ей рюмки она отсылаетъ другимъ роднымъ по очереди. (Если забудетъ кого-нибудь—это страшная обида).

Послѣ закуски, когда каравай съѣденъ, невѣста прощается съ дружками. Дружки стараются отдернуть невѣсту и сѣсть на ея мѣсто; если это удастся которой-нибудь изъ нихъ, женихъ даетъ дѣвушкамъ денегъ на конфекты,—выкупаетъ невѣсту.

Потомъ дружко проситъ старостъ:

— А старосты! паны старосты! и проч.—Аблагословить молодова князя и княгиню изъ-за стола вывесты!

Старосты отвѣчаютъ, какъ описано выше. Дружко даетъ конецъ своего платка жениху, женихъ конецъ своего платка даетъ невѣстѣ (или она ему), и идутъ другъ за другомъ изъ-за стола.

Выйдя изъ-за стола, они выходятъ изъ избы, обходятъ вокругъ двора, возвращаются въ избу, обходятъ вокругъ стола, снова выходятъ и обходятъ вокругъ двора—и такъ три раза. Послѣ этого мать и отецъ благословляютъ молодыхъ иконами, которыя отдаютъ имъ (гости въ это время на дворѣ поютъ и пляшутъ).

Выйдя изъ хаты, невѣста влѣзаетъ въ телѣгу (или сани), становится, молится Богу на четыре стороны и садится на подушки; женихъ от-

*) Распорядитель свадьбы.

прягаетъ одну изъ трехъ лошадей, садится на нее верхомъ и объѣзжаетъ три раза вокругъ невѣстиной телѣги, дѣлая видъ, что бьетъ невѣсту кнутомъ. Потомъ останавливается, крестится и ѣдетъ впередъ со двора, а поѣздъ—за нимъ. На дорогѣ уже подпрягаетъ свою лошадь и садится подлѣ молодой.

Правитъ тройкой „бояринъ". Скрыню*) везутъ въ той телѣгѣ, гдѣ ѣдутъ „свитилка" и „свашка" (бываетъ двѣ „свитилки" и двѣ „свашки" —у кого много родни).

Въ домѣ жениха молодыхъ встрѣчаютъ родители съ хлѣбомъ-солью и вводятъ ихъ въ избу съ обычной церемоніей:—А старосты! паны старосты! и проч.—Аблагословить молодова князя съ княгинею за столъ посадить! и проч.

Угощаютъ здѣсь немного: „поднесутъ по рюмочкѣ", дадутъ закусить и просятъ благословенія „пановъ-старостъ" „молодово князя съ княгинею на покой отвэсты".

Родные невѣсты, проводивъ молодыхъ, пьютъ „сороку"**) и ужинаютъ.

4. „Перезва". ***)

Если невѣста изъ той же деревни, откуда женихъ, то послѣдній приходитъ звать къ себѣ тестя, родныхъ и знакомыхъ. Бабы несутъ подарки: полотно, ситецъ и проч. (Мужики дарятъ деньги или обѣщаютъ поросенка, овцу и проч.) Въ домѣ жениха гостей встрѣчаютъ съ музыкой, съ колокольчикомъ, съ хлѣбомъ-солью и сажаютъ всѣхъ за столъ. Входятъ молодые; невѣста одѣта какъ замужняя, съ повойникомъ на головѣ. Прежде всего они кланяются въ ноги отцу и матери невѣсты: положивъ головы на полъ, лежатъ до тѣхъ поръ, пока родители скажутъ: „встаньте". Тогда они встаютъ и цѣлуются съ ними и цѣлуютъ имъ руки; потомъ обходятъ всѣхъ присутствующихъ, цѣлуясь съ каждымъ.

Невѣста съ „свашкой" обходитъ гостей съ водкой и рюмками на тарелкѣ. Гости пьютъ и отдаютъ подарки „свашкѣ", которая несетъ ихъ за невѣстой.

Молодые уходятъ, и гости гуляютъ: пьютъ, ѣдятъ, танцуютъ и поютъ.

На другой день ведутъ молодыхъ „до попа": съ ними идутъ дружко, „свашка" и молодыя бабы, а иногда и мужики. Молодая приноситъ къ попу 3—4 аршина коленкору и платокъ, которымъ онъ накрываетъ ее. Коленкоръ отдается потомъ свекрови, а платокъ—свекру. Попу приносятъ тоже платокъ и булку.

Когда молодые вернутся отъ священника, дружки приносятъ имъ завтракъ—блины, „паляныци", сало, яйца и проч.,—а женихъ угощаетъ ихъ водой.

Родители и старые родственники, бывшіе на свадьбѣ, ходятъ въ это время другъ къ другу на обѣдъ, изъ хаты въ хату.

Молодежь гуляетъ до прихода этихъ старыхъ родственниковъ.

По возвращеніи послѣднихъ, всѣ садятся за столъ, дѣлятъ каравай (жениховъ) и дарятъ молодыхъ и всѣхъ родственниковъ.

---

*) Скрыня—сундукъ съ приданымъ.
**) См. выше, 44 стр.
***) См. прим. I на 43 стр.

5. „Куры".

Въ понедѣльникъ „бояры" дѣлаютъ жениху и невѣстѣ вечеръ, на которомъ присутствуютъ только молодые люди. Гуляютъ цѣлую ночь—музыка, пляски, пѣніе. Ѣдятъ краденыхъ куръ, гусей, утокъ.

6. Молотьба жита.

Во вторникъ утромъ въ хату жениха и въ хату невѣсты собираются родственники *молотить жито*—тѣ самые пучки, которые висѣли по угламъ во все время свадебныхъ празднествъ (см. выше). Обмолотивши (на столѣ палками), они мѣряютъ жито наперсткомъ и продаютъ другъ другу. На деньги, полученныя за жито, покупаютъ водки.

Потомъ отца и мать—жениховыхъ и невѣстиныхъ—наряжаютъ, обвѣшиваютъ лукомъ, перьями и т. под. и везутъ ихъ на двухъ колесахъ въ шинокъ, (а зимой на сани ставятъ рѣшето, и родители новобрачныхъ садятся въ него. Все это дѣлается для того, „чтобы было смѣшнѣе"). Везутъ ихъ сами родственники безъ лошадей. Въ шинкѣ родители новобрачныхъ покупаютъ водки и угощаютъ привезшихъ ихъ родственниковъ.

Изъ шинка возвращаются пѣшкомъ.

На другой день,—а иногда въ тотъ же вечеръ—бабы пекутъ блины. Родственники похмеляются и расходятся по домамъ.

Этимъ заканчиваются свадебныя празднества.

Вѣнчанье и свадьба—двѣ вещи разныя. Иногда, тотчасъ „послѣ рушниковъ" ѣдутъ вѣнчаться, безъ парада, только въ сопровожденіи „дружки" и „старшаго боярина" (шафера), отца и двухъ свидѣтелей. Изъ церкви ѣдутъ обѣдать въ домъ жениха, послѣ чего женихъ съ „бояриномъ" отвозятъ невѣсту домой „до свадьбы", которая празднуется всегда со всѣми вышеописанными церемоніями. Пѣсни поются все время. (Къ сожалѣнію, я не успѣла записать ихъ).

Учительница Ек. Рѣзанова.

1905 г. 28 апрѣля.
Хитровка, Суджанскаго уѣзда.

Курская губернія на XII Археологическомъ Съѣздѣ.

Занятія этого Съѣзда, организованнаго въ Харьковѣ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, состоящимъ подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, продолжались съ 15 по 27 Августа 1902 года. Въ раіонъ его дѣйствій входили Харьковская, Курская, Черниговская, Воронежская, Полтавская, Екатеринославская, Таврическая губерніи, Донская, Кубанская области.

Обсужденіе и выясненіе различныхъ вопросовъ, относящихся къ археологіи, исторіи и этнографіи Курскаго края, еще до открытія Съѣзда, происходило въ Московскомъ и Харьковскомъ Предварительныхъ Комитетахъ, въ занятіяхъ которыхъ принимали участіе нѣкоторыя лица, приглашенныя изъ Курской губерніи.

Что касается практическихъ для Съѣзда работъ по Курск. губерніи, то онѣ производились какъ мѣстными жителями, такъ и лицами, командированными Московскимъ и Харьковскимъ Комитетами:—напримѣръ, для изученія діалектовъ населенія Курской губерніи и нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ былъ командированъ профессоръ М. Г. Халанскій; для изслѣдованія архивовъ церквей и монастырей—проф. А. С. Лебедевъ; для изученія церковныхъ древностей—проф. Е. К. Рѣдинъ; дѣятельное участіе въ практическихъ работахъ, по Курской губерніи, принимали также: профессоръ Д. И. Багалѣй, проф. А. Н. Красновъ; г. Алякритскій (г. Дмитріевъ); затѣмъ много было собрано данныхъ для Съѣзда и оказано ему содѣйствіе въ той или иной формѣ: нѣкоторыми священниками (Федоровскимъ) и настоятелями монастырей и пустыней, въ особенности Глинской и Софроніевой, мѣстнымъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, многими земскими начальниками (В. В. Кузьминымъ, А. П. Вишневскимъ, А. А. Пузановымъ и другими), Путивльскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ, Льговскимъ и Рыльскимъ земствами, г-жей Томилиной (г. Тимъ), г.г. Говоровымъ (г. Дмитріевъ), Проскурниковымъ (г. Короча), Смирновымъ, Іостомъ, Мачуринымъ (г. Бѣлгородъ), Раздольскимъ, Ильинскимъ (г. Курскъ), Левицкимъ, Кобеляцкимъ, Рябининымъ, Бойковымъ (г. Путивль) и другими лицами.

Исполненныя подготовительныя работы мѣстнаго значенія представляютъ живой интересъ, какъ, напримѣръ, изслѣдованія:

1) о діалектахъ населенія Курской губерніи—М. Г. Халанскаго;

2) о палеонтологическихъ находкахъ въ Щигровскомъ уѣздѣ—его же;

3) о Краснополянскомъ голубцѣ въ этомъ-же уѣздѣ—его-же;

4) о пещерахъ Новооскольскаго уѣзда—его-же;

5) о старинныхъ портретахъ Бѣлгородскихъ архіепископовъ, осмотрѣнныхъ г. Халанскимъ въ г. Бѣлгородѣ—его-же;

6) о Путивльскихъ древностяхъ—его-же;

7) о Горюнахъ Путивльскаго (с. Линово) и Саянахъ Курскаго (с. Будановка) и Фатежскаго уѣздовъ—его-же;

8) о древней Бѣлгородской чертѣ укрѣпленій и древнемъ городѣ Болховцѣ—нынѣ селѣ Бѣлгородскаго уѣзда—его-же;

9) о Путивльской библіотекѣ Маклакова старопечатныхъ изданій —его-же;

10) объ архивахъ Коренского Рождественскаго, Путивльскаго Молченскаго, Рыльскаго Николаевскаго, Курскихъ Знаменскаго и Троицкаго монастырей, Глинской и Софроніевой пустыни, Курской духовной консисторіи—А. С. Лебедева.

Перечисленные архивы даютъ весьма цѣнный матеріалъ для характеристики быта монастырей прошлаго вѣка и, отчасти, для исторіи ересей и иконографіи.

11) Описаніе коллекціи Е. И. Томилиной, въ Тимскомъ уѣздѣ—Е. И. Томилиной;

12) о нѣкоторыхъ древнихъ книгахъ у частныхъ лицъ въ Бѣлгородѣ—М. Г. Халанскаго;

13) о храмозданной грамотѣ Бѣлгородскаго епископа Ѳеоктиста Мочульскаго—Д. П. Миллера;

14) о Путивльскихъ древнихъ церквахъ—И. М. Рябинина;

15) о курганахъ и городищахъ Дмитріевскаго уѣзда—Н. И. Алякритскаго;

16) о древностяхъ этого уѣзда—его-же;

17) о матеріалахъ для біографіи извѣстнаго героя Ѳ. И. Лысенко[1]), взявшаго въ плѣнъ Костюшку—Е. И. Томилиной;

18) объ архивахъ въ Харьковской губерніи—Д. П. Миллера; въ этомъ солидномъ трудѣ описаны, между прочимъ, и тѣ архивные документы, которые касаются различныхъ сторонъ прошлой жизни Курскаго края, какъ-то: документы, хранящіеся въ архивѣ графини А. Д. Строгановой (с. Хотѣнь, Сумского уѣзда), у Д. С. Кондратьева (Богодуховъ) и въ архивѣ Харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія;

19) обзоръ рукописныхъ памятниковъ по исторіи Слободской Украйны, хранящихся въ Военно-Ученомъ Архивѣ въ Петербургѣ—И. Катаева; въ этомъ обзорѣ имѣются, между прочимъ, свѣдѣнія о Мирополье и Хотмыжскѣ, входившихъ ранѣе въ составъ Харьковскаго намѣстничества, и описаны 20 рукописей, относящихся къ исторіи Курской губерніи: пять атласовъ 1784, 1785, 1787, 1817 годовъ, одинъ—неизвѣстнаго года, одна генеральная карта Курскаго намѣстничества 1788 года, два топографическихъ описанія этого-же намѣстничества: первое—1784 г., въ пяти томахъ и двухъ экземплярахъ, составленное губернскимъ землемѣромъ Башиловымъ, и нѣсколько другихъ описаній Курской губерніи.

Эти матеріалы, представляющіе значительный интересъ, мало извѣстны мѣстнымъ любителямъ старины и почти не использованы въ историческихъ трудахъ мѣстныхъ изслѣдователей.

По мнѣнію г. Катаева, трудно сказать, въ какомъ отношеніи находится описаніе Башилова къ топографическому описанію Зубова. Если у перваго и было подъ рукою описаніе послѣдняго, то во всякомъ случаѣ онъ внесъ въ него, т. е. въ описаніе, большую долю самостоятельности. Помимо полнаго различія въ планѣ и расположеніи матеріала, множество частностей подтверждаютъ это; равно какъ многое изъ описанія Зубова не вошло въ описаніе Башилова, что видно уже изъ того, что первое состоитъ изъ пяти томовъ, а послѣднее—только изъ одного; затѣмъ Башиловъ о нѣкоторыхъ предметахъ даетъ свѣдѣнія отчасти несхожія, отчасти совершенно новыя, какихъ нѣтъ въ топографическомъ описаніи

---

[1]) Погребенъ въ сл. Мантуровой, Тим. уѣзда.

Зубова. Такъ, напримѣръ, разницу можно усмотрѣть въ описанiи „знатнѣйшихъ мѣстечекъ“ губернiи.

Башиловъ называетъ нѣсколько новыхъ слободъ, съ объясненiемъ вообще, чѣмъ замѣчательны тѣ или другiя села или слободы и кому они принадлежатъ, чего у Зубова нѣтъ. При описанiи начальнаго историческаго происхожденiя города Курска, Башиловъ, указывая источникъ свѣдѣнiй объ этомъ—Кiево-Печерскiй патерикъ, приводитъ болѣе точное извѣстiе, что препод. Θеодосiй двадцати лѣтъ отъ роду пришелъ изъ гор. Курска въ 1032 году, а у Зубова говорится, что отецъ Θеодосiя былъ „сходецъ изъ Курска“. У Башилова далѣе разсказывается, что, по преданiю, Курскъ былъ основанъ первоначально на другомъ мѣстѣ, въ 15 верстахъ отъ настоящаго города, на рѣкѣ Рати; но этому преданiю Башиловъ не придаетъ серьезнаго значенiя. Далѣе, въ описанiи Башилова приводится „исторiя о чудотворной иконѣ Курской Божьей Матери“, съ указанiемъ источника, откуда она (исторiя) приводится (рукописная книга 1690 г. неизвѣстнаго автора съ пополненiемъ изъ государевыхъ грамотъ, жалованныхъ Знаменскому монастырю).

Изъ изслѣдованiя г. Катаева видно, что позднѣйшее описанiе Курскаго намѣстничества, которое составлено Ларiоновымъ и на которое принято ссылаться въ историческихъ трудахъ о Курской губернiи, представляетъ не самостоятельную работу.

Не останавливаясь на перечисленiи всѣхъ подготовительныхъ работъ, исполненныхъ для Съѣзда, можно съ увѣренностью сказать, что не только болѣе или менѣе солидныя изъ этихъ работъ, исполненныхъ, большею частью, спецiалистами, но и скромныя посильныя начинанiя мѣстныхъ сотрудниковъ Съѣзда принесли ему пользу. Да и трудно было ожидать отъ нихъ большаго, когда дѣйствiе ихъ имѣли, такъ сказать, партизанскiй характеръ, а препятствiй для такихъ дѣйствiй было достаточно: приходилось итти заросшей тропинкой, иногда на-ощупь, и сознавать, что много еще предстоитъ упорнаго труда для того, чтобы сгруппировать разрозненные историческiе матерiалы о Курской губернiи, опредѣлить богатство письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, выяснить, чего недостаетъ, чтобы быть во всеоружiи знанiй о краѣ, вынести на судъ разумной критики послѣдовательныя, въ предѣлахъ силъ и возможности, изслѣдованiя тѣхъ или иныхъ сторонъ исторической жизни края, которыя, быть можетъ, пролили-бы иной свѣтъ на установившiяся положенiя въ этой области.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о продуктивности работъ Съѣзда собственно для Курской губернiи, можно положительно утверждать, что здѣсь для лицъ, интересующихся ея исторiей, было много интереснаго, поучительнаго и цѣннаго въ научномъ отношенiи.

Археологическiя, историческiя и этнографическiя данныя по Курской губернiи и пограничнымъ съ нею мѣстностямъ, имѣющимъ много общаго по своему прошлому съ Курскимъ краемъ, заключались: 1) въ рефератахъ и сообщенiяхъ, сдѣланныхъ на Съѣздѣ и вызвавшихъ обмѣнъ мнѣнiй по различнымъ вопросамъ, 2) въ вещественныхъ памятникахъ старины и этнографическихъ предметахъ, которые экспонировались на устроенныхъ при Съѣздѣ выставкахъ.

Соотвѣтственно этимъ рубрикамъ, въ настоящемъ очеркѣ и будутъ указаны матерiалы, касающiеся изученiя Курской губернiи въ историко-

археологическомъ и этнографическомъ отношенiи, а также могущiе служить источникомъ для выясненiя различныхъ сторонъ жизни Курскаго края, его быта религiознаго, семейнаго и общественнаго.

Изъ рефератовъ и сообщенiй, имѣющихъ указанное значенiе, между прочимъ, можно отмѣтить: 1) Абрамовича Д. И.—Черты южно-русскаго домонгольскаго быта по даннымъ житiйной литературы; 2) Багалѣя Д. И.—Объ археологической картѣ Харьковской губернiи; 3) Василенко В. И.—Къ вопросу объ областной этнографiи; 4) Городцова В. А.—Погребенiе съ конемъ въ Европейской Россiи (погребенiе съ конемъ было обнаружено и въ Курскѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при рытьѣ погреба, на Литовской улицѣ, входящей въ раiонъ исторической мѣстности г. Курска); 5) Данилевича В. Е.—Раскопки около села Будъ и Березовки въ Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, пограничныхъ съ Курской губернiей; 6) Иванова В. В.—Изъ внутренней жизни Слободской Украины; 7) Кадлубовскаго А. П.—О старопечатныхъ южно-русскихъ трiодяхъ; 8) Карскаго Е. О.—Къ вопросу о разграниченiи русскихъ нарѣчiй; 9) Лебедева А. С.—Епископская дѣятельность Самуила Миславскаго въ Бѣлгородской епархiи; 10) Миллера Д. П.—Архивы Харьковской губернiи (въ которыхъ есть документы и по Курской губернiи); 11) Рѣдина Е. К.—Религiозные памятники искусствъ Харьковской губернiи; 12) Самоквасова Д. Я.—Архивное законодательство; 13) Сумцова Н. Ф.—О кобзаряхъ и лирникахъ; 14) Тиховскаго Ю. И.—Малорусскiя и западно-русскiя учительныя Евангелiя XVI—XVII вѣковъ; 15) Хоткевича И. М.—Нѣсколько словъ о бандуристахъ и лирникахъ.

При XII Археологическомъ Съѣздѣ были устроены двѣ выставки: историко-археологическая и этнографическая; первая состояла изъ слѣдующихъ семи отдѣловъ: а) отдѣла древностей, добытыхъ изъ раскопокъ и случайныхъ находокъ каменнаго, металлическаго и историческаго перiодовъ, б) церковныхъ древностей, в) историческихъ древностей, г) нумизматики, д) старопечатныхъ книгъ, е) рукописей и и) картографическiй. Первый отдѣлъ состоялъ изъ предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ, главнымъ образомъ, въ Харьковской губернiи (на средства Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и П. И. Харитоненко), а также изъ случайныхъ находокъ и пожертвованныхъ или предоставленныхъ на время выставки разными лицами и учрежденiями, въ томъ числѣ по Курской губернiи: предметы, добытые М. П. Боткинымъ изъ кургана въ имѣнiи Солнцевка, Бѣлгородскаго уѣзда, и представленные Музею Древностей Харьковскаго университета (горшки и пр.), обломки, кости зуба и бивня мамонта изъ с. Крюкова, Бѣлгородскаго уѣзда, подаренные А. I. Iостомъ тому же Музею; 39 предметовъ Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, фотографiи каменныхъ бабъ Е. И. Томилиной изъ сл. Мантуровой, Тимского уѣзда. *Второй отдѣлъ* историко-археологической выставки состоялъ изъ поступившихъ (большей частью, отъ церквей Харьковской епархiи), памятниковъ, характеризующихъ состоянiе религiознаго искусства на югѣ Россiи въ XVII и XVIII вѣкахъ; здѣсь были иконы, кресты, церковная утварь, облаченiя, фотографичес. снимки и пр. Изъ числа этихъ предметовъ по Курской губернiи можно, между прочимъ, отмѣтить слѣдующiе: иконы и картины религiознаго содержанiя: „Богородица съ младенцемъ" (Путивльскаго монастыря); „Се человѣкъ" (того же монастыря); Святая Елизавета, картина

западнаго происхожденія (того же монастыря); Святое Семейство (того же монастыря); Павелъ Ѳивейскій (того же монастыря); мѣдная икона Богородицы Одигитріи (отъ Д. В. Проскурникова изъ Корочи); икона въ видѣ медальона (отъ В. Д. Проскурникова изъ Корочи); иконы: „Мученіе Христа" и Божія Матерь[1]) (отъ Шевченко изъ сл. Борисовки, Грайворонскаго уѣзда), икона Святителя Николая Чудотворца (отъ Молченской Софроніевой пустыни, Путивльскаго уѣзда); портретъ архимандрита Ѳеодосія Маслова, (настоятеля той же пустыни); оловянная дарохранительница (изъ кладбищенской церкви гор. Дмитріева), воздухъ изъ зеленаго бархата *даръ гетмана Самойловича* церкви Покрова въ с. Казацкомъ, Путивльскаго уѣзда, другой воздухъ изъ той же церкви, риза-фелонь серебряной парчи изъ той же церкви[2]), двѣ хоругви холстяныя (отъ Путивльскаго монастыря), фотографическіе снимки съ нѣкоторыхъ церквей и иконъ Курска (коллекція В. Машукова изъ Екатеринослава), Корочи, Дмитріева, Путивля и села Яблонова, Корочанскаго уѣзда; старинные иконостасы церквей Молченской Софроніевой пустыни, антиминсы, кресты, оклады верхнихъ досокъ Евангелій, потиры, дарохранительница, митра, воздухи, листы Евангелія 1689 года, синодикъ, священническія ризы, изъ которыхъ одна, по преданію, пожертвована была Константинопольскимъ патріархомъ въ Молдаво-Влахійскій монастырь, откуда и вывезена архимандритомъ Ѳеодосіемъ; на епитрахили при одной изъ ризъ вышитъ золотомъ вензель Императрицы Екатерины II (изъ Молченской Софроніевой пустыни), фотографическіе снимки (отъ И. М. Рябинина изъ Путивля).

Отдѣлъ историческихъ древностей состоялъ изъ различныхъ памятниковъ искусства и быта (портретовъ, картинъ, оружія, грамотъ и пр.), относившихся къ раіону изученія этихъ древностей XII Археологическимъ Съѣздомъ; изъ нихъ по Курской губерніи, между прочимъ, можно отмѣтить слѣдующіе: портретъ начала XIX вѣка, двѣ серебряныхъ чарочки XVIII вѣка[3]) (отъ И. В. Шевченко изъ Грайворонскаго уѣзда), картина „Продавецъ птицъ", шитая по канвѣ гарусомъ—30—40 годовъ XIX вѣка (даръ Харьковскому Университетскому Музею отъ г-жи Блажевичъ изъ Корочи), старинный мечъ, найденный въ землѣ, въ г. Корочѣ (даръ тому же Музею отъ Т. В. Проскурникова изъ Корочи), бронзовая булава (отъ Проскурникова), коллекція земскаго начальника 5 участка, Бѣлгородскаго уѣзда, В. В. Кузмина: чайный сервизъ XVIII вѣка[4]), сосуды, портреты, ларецъ, вышивка, игольникъ, кольцо—XVIII вѣка, серебряный рубль кускомъ, найденный на землѣ крестьянъ с. Ястребова, Бѣлгородскаго уѣзда и жалованная грамота царя Ѳеодора Алексѣевича на имя Ивана Маслова 1680 года съ печатью, (о которой помѣщены свѣдѣнія въ книжкѣ „Памятники старины", страница 41); поясъ гетмана Самойловича[5]) (изъ с. Казацкаго, Путивльскаго уѣзда); грамота архіепископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго Петра на имя священника Троицкой церкви сл. Борисовки Ѳеодо-

---

[1]) Пріобрѣтены въ 1903 году Курскимъ Историко-Археологическимъ и Кустарнымъ Музеемъ.
[2]) Принесены въ даръ Курскому Ист.-Арх. Музею въ 1904 году.
[3]) Пріобрѣтены въ 1903 г. Курск. Ист.-Арх. и Кустарн. Музеемъ.
[4]) Принесенъ въ даръ В. В. Кузминымъ Курскому Ист.-Арх. Музею въ 1905 году.
[5]) Принесенъ въ даръ священникомъ о. Михаиломъ Кіяницынымъ и причтомъ этой церкви Курскому Ист.-Арх. Музею въ 1904 году.

ра, 1739 г. (изъ сл. Борисовки, Грайворонскаго уѣзда); фотографія Ѳедора Ильича Лысенко, съ портрета, писаннаго масляными красками и находящагося въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ; фотографія могилы Ѳ. И. Лысенко въ сл. Мантуровой (отъ Е. И. Томилиной изъ сл. Мантуровой, Тимского уѣзда); 16 фотографическихъ портретовъ митрополитовъ и архіереевъ Бѣлгородской епархіи за періодъ 1667—1797 годовъ, снятыхъ съ писанныхъ масляными красками портретовъ, находящихся въ Бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ; упомянутыя фотографіи поступили отъ профессора Харьковскаго Универсисета А. С. Лебедева, издавшаго въ 1902 году капитальный свой трудъ „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ)“ съ портретами и автографами; коллекція портретовъ Бѣлгородскихъ архипастырей—отъ Харьковской духовной семинаріи; писанный масляными красками портретъ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева (отъ Гр. Шереметева изъ сл. Борисовки, Грайворонскаго уѣзда), три писанныхъ масляными красками аллегорическихъ картины XVIII вѣка (отъ И. М. Рябинина изъ Путивля); виды и атласъ древностей Курской губерніи, 1848 года—изъ коллекціи Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба.

Въ нумизматическомъ отдѣлѣ находились, въ числѣ другихъ, монеты XVII и XVIII столѣтій изъ Путивля, с. Большого Яблонова, Корочанскаго и с. Крупца, Путивльскаго уѣзда, принадлежащія Музею Искусствъ и Древностей при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ.

Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ состоялъ изъ 470 книгъ, поступившихъ: а) отъ разныхъ лицъ, б) изъ библіотеки г.г. Маклаковыхъ въ Путивлѣ и сгруппированныхъ по мѣстамъ печати: московской, кіевской, львовской, черниговской, острожской, уневской, виленской, кутеинской, почаевской, южно-русской, петербургской, харьковской, западной, юго-западной, могилевской, ясской, клинцевской, иностранной и неопредѣленной.

Книги Московской и С.-Петербургской печати описаны профессоромъ М. Г. Халанскимъ, книги Львовской печати и оклады всѣхъ книгъ описаны профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ, остальныя разной печати профессоромъ А. П. Кадлубовскимъ.

Въ числѣ обозначенныхъ подъ рубрикой а) книгъ изъ Курской губерніи были: библія XIX вѣка (изъ сл. Михайловки, Дмитріевскаго уѣзда), календарь 1710 года, юридическій словарь Ф. Лангансона, „Путешествіе Волнея въ Сирію и Египетъ“ 1791 года; „Радклифъ Анна“, 1804 года; Уставъ священнослуженія (отъ В. М. Мачурина изъ Бѣлгорода), „Царскій путь Креста Господня“ І. Максимовича, 1709; „Поученія и наказанія св. и преподобнаго отца нашего Ефрема“, „Наставленіе народу въ разсужденіи его здоровья“, г. Тиссотъ, переводъ Н. Озерецковскаго 1791 года; „Разговоры о множествѣ міровъ Фонтенеля“, переводъ кн. Антона Кантемира, 1830 г.; Требникъ, напечатанный при Императрицѣ Екатеринѣ II, „Исторія Новаго завѣта“ г. Кедрина (отъ Е. И. Томилиной, изъ сл. Мантуровой, Тимского уѣзда), библія 1581 года (Софроніевой пустыни), Евангелія 1636 и 1697 годовъ (отъ священника сл. Борисовки, Грайворонскаго уѣзда, о. Павла Чефранова), „Ифигенія въ Тавридѣ, драмма на музыкѣ, представленная въ С.-Петербургѣ на день рожденія Императрицы Екатерины II въ 1768. Стихотворство Кольтеллина“ (отъ г. Смирнова изъ Бѣлгорода), „Начальныя основанія физики“, 1826 года (отъ г. Томилиной); затѣмъ выдающійся интересъ представляли книги изъ библіотеки г.г. Маклаковыхъ въ Пу-

тивлѣ, разобранныя, доставленныя на выставку[1]) и описанныя профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ, предварительное-же сообщеніе о нихъ было сдѣлано Харьковскому Комитету профессоромъ М. Г. Халанскимъ. Эти весьма цѣнныя книги, пожертвованныя городу Путивлю Н. С. Маклаковымъ, вмѣстѣ съ рукописями находились въ зданіи Путивльскаго ремесленнаго училища имени г.г. Маклаковыхъ, въ мѣстной публичной библіотекѣ. Какъ видно изъ описанія книгъ, на большинствѣ изъ нихъ имѣются различныя историко-библіографическія замѣтки г. Маклакова, „свидѣтельствующія о его любви къ книгамъ“. Многія изъ этихъ замѣтокъ напечатаны въ каталогѣ выставки, чѣмъ имѣлось въ виду воздать скромное чествованіе памяти г. Маклакова, какъ просвѣщеннаго человѣка, заботившагося не о себѣ только, а и о своей родинѣ, о своемъ родномъ городѣ.

На выставку поступили не всѣ книги изъ собранія г. Маклакова, но для полнаго представленія объ этомъ книгохранилищѣ въ каталогѣ онѣ описаны всѣ; на выставкѣ-же находилось 107 книгъ разной печати XVI, XVII, XVIII и XIX столѣтій, по большей части духовнаго содержанія: Евангелія, посланія Апостоловъ, толкованія на посланія Апостоловъ, библія, псалтыри, катехизисы, акаѳисты, молитвословы, анѳологіоны, минеи, житія святыхъ, Патерикъ Печерскій, святцы, регламенты, уставы, канонники, требники, служебники, сборники, тріоди, октоихи, Кормчая книга, книга священнаго благовѣстія, книга Іоанна Лѣствичника, Кириллова книга, Страсти Христовы, сатира Соломона, соловецкая челобитная, о бесѣдѣ епископа Нижегородскаго Питирима съ раскольниками, переводы и изложенія трудовъ Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, Гуго Гроція (переводъ ключаря Московскаго Успенскаго собора Петра Алексѣева), греческаго историка Зонара (II в.), Николая Пискатора, кардинала Беллармина, монаха Василія, царя греческаго; Кирилла Транквилліана, сочиненія: преподобнаго Стефана Святогорца; Діонисія, архимандрита Аѳонскаго монастыря; Никона, игумена Черногорскаго монастыря; Каллиста, патріарха Константинопольскаго, Арсенія Грека, Кирилла Философа; Лаврентія Зизанія, Петра Могилы Кіевскаго митрополита, Іоанникія Галятовскаго, игумена Кіевскаго монастыря; іеромонаха Іоанна (Кіевскаго), Іоанна Борецкаго; Лазаря Барановича, Іоанна Максимовича—архіепископовъ Черниговскихъ и Новгородскихъ, Гавріила митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, патріарховъ: Іоасафа, Филарета, Іосифа, Никона; Ѳеофана Прокоповича, Симеона Полоцкаго, ректора Троицкой семинаріи; іеромонаха Аполлоса, Ивана Невѣжина, Іосифа Кириллова и др.

Въ отдѣлъ рукописей XV, XVI, XVII, XVIII и XIX столѣтій значительная часть ихъ поступила отъ библіотеки Императорскаго Харьковскаго Университета; кромѣ того, были рукописи, поступившія отъ св. Синода, Императорской Публичной Библіотеки, Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба, отъ частныхъ лицъ и провинціальныхъ учрежденій: Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, Харьковской общественной библіотеки, Харьковской семинаріи, Института Князя Безбородко, Новочеркасскаго и Воронежскаго музеевъ, отъ статистическихъ Комитетовъ, монастырей и проч.

[1]) Съ разрѣшенія Путивльскаго Городского Общественнаго Управленія, любезно согласившагося передать ихъ временно на выставку.

Описанiе рукописей сдѣлано профессорами Д. И. Багалѣемъ, Е. К. Рѣдинымъ, М. Г. Халанскимъ и г. Поповымъ.

Въ числѣ рукописей, поступившихъ изъ Курской губернiи, были слѣдующiя: Отрывки Евангелiя (апокрифическаго характера), „Во святой и великiй пятокъ", о житiи преподобнаго Iосифа, генеральн. регламентъ, „Сто пятдесятолѣтнiй календарь", „Сказанiе известное о храбромъ витезе Александрѣ Македонскомъ", Басни, „Исторiя о францылѣ",—отъ г. Мачурина (въ Бѣлгородѣ); Перелипсиси Никона Черногорскаго—отъ Молченской Софронiевой пустыни, Тропникъ-переводъ, сочиненiя Иннокентiя, папы Римскаго; минея общая, выписка изъ священнаго писанiя-рукопись XVIII вѣка, Сборникъ правилъ: шестого и седьмого Вселенскихъ соборовъ, Василiя Великаго и др., Уложенiе царя Алексѣя Михайловича, разные законы и указы, „Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разоренiи Московскаго Государства", „Житiе Императора Петра Великаго", Сборники историческихъ статей, Сборникъ духовнаго содержанiя, лѣчебникъ, О письмахъ, Разсужденiе о бракѣ; тетрадь пословицъ, тетрадь со стихотворен. и акаѳистомъ св. Пантелеймону—отъ г-жи Томилиной; синодикъ Путивльскаго Молченскаго монастыря, синодики: церкви г. Дмитрiева и церкви с. Михайловки, Курской губернiи—отъ Н. И. Алякритскаго; столбецъ конца XVII вѣка, Наказъ Государей Iоанна и Петра Алексѣевичей Сокольному воеводѣ Алексѣю—даръ Историко-Филологическому Обществу отъ преподавателя Бѣлгородской гимназiи Ѳ. С. Аврамова. Дѣло по предписанiю Департамента Народнаго Просвѣщенiя о снятiи снимка съ надписи надгробнаго камня, найденнаго въ г. Путивлѣ (Архива Путив. городского учил.), рукопись Курскаго этнографа-любителя А. С. Машкина; письмо Алексѣя Оленина графу П. И. Кутайсову, письма Ланжерона (отъ Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета).

Рукописи изъ библiотеки г.г. Маклаковыхъ въ г. Путивлѣ, описанныя профессоромъ Е. К. Рѣдинымъ: „Проблемата", Апокалипсисъ, Псалтырь, „Поморскiе отвѣты", „Исторiя короля Шведскаго Каралуса XII-го", „Пѣснопѣвецъ", „Творенiе Преподобнаго Варсанофiя и его ученика и сподвижника Iоанна", „Отвѣты града Твери иконописца Ивана Пешехонова, Никиты Карповичу", „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ, Димитрiя Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго", Житiе св. Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, Каноны Знаменiю Пресвятыя Богородицы, „Собранiя церковныхъ постановленiй—составленныя Матѳеемъ Властаремъ", „Повѣсть о страдавшихъ въ Россiи единолично за древлѣ церковныя преданiя"—Симеона Дiонисiовича, Родословная библейскихъ мужей Ветхаго и Новаго завѣта, царей Iерусалимскихъ, Iудейскихъ, Сирскихъ, Египетскихъ, Самарiйскихъ и Израильскихъ, Константинопольскихъ, Римскихъ и Россiйскихъ Великихъ князей, Государей, Царей и Императоровъ; Святцы, Октай, „Замѣтки о нужныхъ церковныхъ обстоятельствахъ Бѣлокрыницкой, старовѣрческой митрополiй"—Павла Васильева и Семена Семенова, „Изложенiе о принятiи тремя чины, приходящихъ къ древле-православной вѣры", Катехизисъ Лаврентiя Зизанiя, „Повѣсть о сугубой Аллилуiи".

Рукописи, поступившiя отъ частныхъ лицъ и учрежденiй и относящiяся къ Курской губернiи, были: выписка изъ документовъ Московскаго архива Министерства Юстицiи. Описная и мѣрная книга города Суджи XVII вѣка, Историческiя записки о фамилiи Селивановыхъ Курской губернiи; статьи, замѣтки, записи и стихотворенiе г. Селиванова. Отвѣтъ (въ

стихахъ) архіерея Θеоктиста Бѣлгородскаго князю Мещерскому, желавшему вступить въ монашество, „Увѣдомленіе о собственноручныхъ запискахъ Преосвященнаго Іоасафа Горленка, Епископа Бѣлгородскаго" и описаніе жизни его; нѣкоторыя рукописи Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба; топографическое описаніе Харьковской и Курской губерній, Описаніе къ атласу Курской губерніи, 3 тома. Вѣдомость о городахъ, селеніяхъ и уѣздахъ, отходящихъ изъ Слободской въ Курскую губернію и другія; рукописи Архива и Библіотеки Св. Правительствующаго Синода.

Описи церковнаго имущества по Курской епархіи: 1) Главная церковная и ризничная опись Курскаго Свято-Троицкаго женскаго монастыря, Курской епарх.; состав. 1853 г., 2) Главная опись церковному и монастырскому имуществу Молчанской Софроніевой Рождества-Богородицкой мужской общежительной пустыни, состоящей въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской епарх., состав. 1854 г., 3) Главная церковная и ризничная опись Коренской Рождества-Богородицкой пустыни, Курской епарх., сост. въ 1853 г., 4) Главная церковная и ризничная опись Борисовской Тихвинской дѣвичей пустыни, Грайворонскаго уѣзда, Курской епарх., состав. въ 1854 г., 5) Главная церковная и ризничная опись Бѣлгородскаго Рождество-Богородицкаго третьяго класса дѣвичьяго монастыря, Курской епарх., сост. 1854 г., 6) Главная церковная и ризничная опись Курской епарх., города Стараго Оскола Богоявленскаго собора, составленная 1854 г., 7) Главная церковная и ризничная опись Курскаго Знаменскаго Архіерейскаго монастыря, Курской епарх., сост. 1853 г., 8) Опись ризничнымъ вещамъ Курскаго Епархіальнаго Архіерея, сост. 1853 г., 9) Главная церковная и ризничная опись Бѣлгородскаго второклассного Свято-Троицкаго мужскаго монастыря, Курской епарх., сост. 1853 г., 10) Главная опись церковному и ризничному имуществу Курской епарх., Путивл. уѣзда, Глинской Рождества-Богородицкой мужской общежительной пустыни, сост. 1854 г.

Картографическій отдѣлъ на XII Археологическомъ Съѣздѣ былъ организованъ по иниціативѣ профессора Д. И. Багалѣя, взявшаго на себя трудъ по устройству этого отдѣла и составленію каталога для него. Мысль, положенная въ основаніе организаціи картографическаго отдѣла и послужившая руководствомъ при выборѣ матеріаловъ, заключалась въ томъ, чтобы дать возможность лицамъ, занимающимся разработкою областной исторіи примѣнительно къ району, обнимаемому программой Съѣзда, ознакомиться съ неизвѣстными и мало доступными для нихъ коллекціями картографическаго матеріала, хранящагося въ разныхъ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ, тѣмъ болѣе, что только весьма незначительная часть этого матеріала напечатана—и при томъ въ мало доступныхъ и рѣдкихъ изданіяхъ, остальная-же значительная часть его не сдѣлалась пока достояніемъ научной разработки.

Картографическіе матеріалы XVII, XVIII и XIX вѣка—карты, планы и пр., находившіеся на выставкѣ, поступили: отъ Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба, Архива Министерства Юстиціи въ Москвѣ, Императорской Публичной Библіотеки, Императорской Академіи Наукъ, библіотекъ Харьковскаго университета, Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, Московскаго Общества естествознанія, Воронежскаго музея и Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.

Въ этомъ отдѣлѣ были выставлены карты и планы, относящіеся какъ къ территоріи Южной Россіи вообще, такъ и къ отдѣльнымъ губер-

ніямъ, въ томъ числѣ и къ Курской, къ которой относятся слѣдующіе бывшіе на выставкѣ, карты и планы:

1. Планъ Соборной церкви Знаменія Пресв. Богородицы въ г. Курскѣ, составленъ въ 7157/1649 (Арх. мин. юст. столб. Бѣлг. ст. № 558, л. 70).

2. Чертежъ зелейныхъ амбаровъ и погребовъ, вновь построенныхъ въ Бѣлгородѣ воеводой Бор. Петр. Шереметевымъ въ 7201/1693 г. (Арх. мин. юст. столб. Бѣлг. ст. № 1358, л. 289).

3. Атласъ Курскаго намѣстничества. (В. уч. арх. гл. шт.).

4. Атласъ Курскаго нам. (В. уч. арх. гл. шт.).

5. Карта Курскаго нам. (В. уч. арх. гл. шт.).

6. Атласъ Курской губ. 1784 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

7. Описаніе Курскаго намѣстничества вообще и порознь всякаго города и уѣзда съ картами и планами 1785 г.—Башилова. (В. уч. арх. гл. шт.).

8. Атласъ Курской губерніи 1785 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

9. Атласъ Курской губ. 1787 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

10. Генер. карта Курской губ. 1808 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

11. Карта Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ., раздѣленнаго на волости 1817 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

12. Маршрутная карта Курской губ. (Курскаго губ. стат. комитета).

13. Карта Курской губ. (Курскаго губ. стат. комитета).

14. Планы городовъ Курскаго нам. 1784 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

15. Планъ г. Бѣлгорода Курской губ., Высочайше утвержденный въ 1787 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

16. Планъ г. Бѣлгорода Курской губ. съ показаніемъ 3 верстной ситуаціи 1817 г. (В. уч. арх. гл. шт.).

17. Планы г. Корочи съ окрестностями. (В. уч. арх. гл. шт.).

Значительный интересъ представляли матеріалы по сосѣднимъ съ Курскою губерніями: Черниговской, Воронежской, Полтавской и Харьковской.

Этнографическая выставка состояла изъ предметовъ, поступившихъ, большей частью, изъ Харьковской губерніи, а также—изъ Полтавской, Екатеринославской, Воронежской, Черниговской и Курской, въ которую для собиранія экспонатовъ былъ командированъ профессоръ М. Г. Халанскій.

Въ числѣ выставленныхъ предметовъ находились и такіе, которые, представляя пережитокъ старины, выходятъ изъ употребленія. Всѣ экспонаты были распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ: а) жилищному (малороссійская хата въ натуральную величину съ полной обстановкой, фигурами обитателей ея, затѣмъ модели различныхъ хатъ, куреней и дворовъ съ фотографическими снимками, и подези, пасѣка и пр.), б) рыболовному, в) отдѣлу домашней утвари и другихъ различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, г) отдѣлу земледѣлія, д) кустарно-ремесленному, е) художественному, ж) отдѣлу одежды (обувь, головные уборы, одѣтые въ малороссійскіе и великорусскіе костюмы манекены, старинная одежда), з) отдѣлу народной медицины, и) ритуальному, і) музыкальному, к) орнаментному, л) дѣтскихъ игрушекъ. При каждомъ отдѣлѣ были помѣщены фотографическіе снимки.

Группировка предметовъ и составленіе каталога были сдѣланы Е. П. Радаковой, В. А. Бабенко, профессорами Н. Ѳ. Сумцовымъ, А. Н. Красновымъ, Д. И. Багалѣемъ; предметы изъ Полтавскаго музея были разставлены и описаны И. А. Зарѣцкимъ.

На этнографической выставкѣ было собрано и систематично сгруппировано болѣе 3 т. предметовъ, характеризующихъ не только матеріальный бытъ великорусскаго и малорусскаго населенія раіона Съѣзда, но и отчасти духовныя потребности этого населенія, поэтому выставка захватывала вниманіе не только интеллигентныхъ посѣтителей, но и простолюдиновъ. Нужна была кисть жанриста-художника, чтобы на полотнѣ запечатлѣть то внимательно-серьезныя, то добродушно-улыбавшіяся лица этихъ людей, съ живымъ интересомъ разсматривавшихъ родные имъ предметы, среди которыхъ, начиная съ колыбели или „колыски“, протекаетъ ихъ жизнь; тутъ-же они обмѣнивались мнѣніями относительно достоинствъ или недостатковъ какого-либо предмета, сравнивали его съ однородными, употребляемыми въ другихъ мѣстностяхъ, и удивлялись обилію и разнообразію выставленныхъ предметовъ, начиная съ имѣющихъ болѣе или менѣе серьезное значеніе въ домашней и трудовой жизни крестьянскаго населенія и кончая самой немудрой глиняной дѣтской игрушкой.

Изъ Курской губерніи были на выставкѣ: 1) рубахи, пояса, костюмы и головные уборы, употребляемые въ Дмитріевскомъ, Курскомъ (у Саяновъ), Льговскомъ, Путивльскомъ (у Горюновъ), Тимскомъ, Фатежскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ (доставлены М. Г. Халанскимъ), 2) писанки, какъ предметы народнаго орнамента: изъ с. Зуевки, Тимского уѣзда, изъ сл. Мантуровой того-же уѣзда (доставлены г-жей Томилиной), изъ с. Казацкаго, Путивльскаго уѣзда (доставлены студентомъ В. М. Бойковымъ), изъ разныхъ мѣстъ Курской губерніи (собств. пр. Н. Θ. Сумцова), 3) дѣтскія игрушки, изготовляемыя въ д. Кожлѣ, Льговскаго уѣзда (достав. Н. Θ. Сумцовымъ), и нѣсколько другихъ предметовъ. Въ общемъ этнографическихъ предметовъ изъ Курской губерніи было немного.

19 Августа въ помѣщеніи Харьковской Публичной Библіотеки состоялись засѣданіе этнографической секціи Съѣзда и музыкально-этнографическій вечеръ при участіи кобзарей, лирниковъ, „тройстой музыки“ (двѣ скрипки и басъ) и хора товарищества артистовъ малорусской труппы съ г. Садовскимъ. Послѣ сообщеній, сдѣланныхъ профессоромъ Н. Θ. Сумцовымъ, И. М. Хоткевичемъ и В. В. Ивановымъ о кобзаряхъ, лирникахъ, бандуристахъ съ демонстрированіемъ ихъ музыкальныхъ инструментовъ и объясненіемъ техники игры на нихъ, народными слѣпцами-музыкантами и пѣвцами[1]), хранителями музыкально-поэтическаго творчества малороссовъ, были исполнены народныя пѣсни: историческія, религіозно-нравственныя, обрядовыя, бытовыя, юмористическія и сатирическія, а параллельно съ этимъ предъ слушателями иллюстрировалась обработанная малорусская пѣсня въ исполненіи артистовъ товарищества. Этотъ музыкально-этнографическій вечеръ имѣлъ выдающійся интересъ и оставилъ глубокое впечатлѣніе въ посѣтившихъ его, очаровавъ ихъ колоритной, въ душу проникающей мелодіей малороссійской пѣсни.

Позаботились также устроители Съѣзда демонстрировать передъ членами его и археологическія раскопки: были предприняты двѣ интересныя экскурсіи: 18 Августа на Донецкое городище и 25 Августа на Ницахское городище, въ имѣніи П. И. Харитоненко.

---

[1]) Лирниками: Иларіономъ, Самсономъ Веселымъ, Иваномъ Зозулей, Павломъ, и бандуристами Терентіемъ Пархоменко, Михаиломъ Кравченко, Иваномъ Кучеренко, Иваномъ Нетесой, Петромъ Древченко, Павломъ Гащенко.

Суммируя все слышанное и видѣнное на XII Археологическомъ Съѣздѣ и обращаясь затѣмъ къ весьма сложному вопросу, что собственно далъ этотъ Съѣздъ для Курской губерніи или, лучше сказать, въ чемъ могло выразиться его культурное вліяніе на мѣстную жизнь, нельзя прежде всего не коснуться общаго значенія Съѣзда, какъ печальника и охранителя, подобно предыдущимъ съѣздамъ, родной археологіи, важныя и насущныя задачи и цѣли которой были, между прочимъ, такъ охарактеризованы, при открытіи XII Съѣзда, г. Попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа М. М. Алексѣенко: „Археологія имѣетъ большое значеніе, расширяя область историческихъ розысканій. Предметы археологіи съ теченіемъ времени все умножаются. Нѣмые камни становятся историческими свидѣтелями. Разрытые курганы-могилы, которые, по словамъ украинской пѣсни, въ степяхъ съ вѣтромъ говорили, разсказываютъ ученымъ о прошедшихъ судьбахъ народовъ. Ничтожныя съ узко-утилитарной точки зрѣнія вещи, которыя были въ пренебреженіи, попирались ногами, становятся предметомъ заботливой охраны. Земля, на которой наши предки испытывали радости, мыкали историческое горе и оставляли слѣды, которые затѣмъ покрывались новыми наслоеніями,—земля является высоко-цѣннымъ историческимъ памятникомъ, безстрастнымъ и безпристрастнымъ. Съ умноженіемъ предметовъ археологіи, извлеченныхъ и объясненныхъ, распространяется сфера историческаго наблюденія и историческихъ изслѣдованій: до-историческое становится историческимъ. Выясняются въ новомъ свѣтѣ прошлыя эволюціи человѣческаго быта. Археологія оказываетъ большое культурное вліяніе. Народъ, который чтитъ прошлое, съ любовью и бережно относится къ историческому наслѣдію вѣковъ, имѣетъ право назваться культурнымъ народомъ. Археологія играетъ большую роль въ выработкѣ національнаго самосознанія, національнаго достоинства, пониманія смысла „родной земли". Но археологія въ то же время застраховываетъ отъ узкаго, самодовольнаго, кичливаго національизма; обнаруживая одинаковость предметовъ, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ, она указываетъ на сходство соотвѣтствующихъ нравовъ, учрежденій, обычаевъ, житейской обстановки. Это сходство объясняется частью прямымъ заимствованіемъ (иностранное вліяніе), частью одинаковостью фактическихъ обстоятельствъ, формъ быта, частью одинаковостью міросозерцанія подъ вліяніемъ племеннаго родства и единства вѣрованій. При такихъ условіяхъ, работы археологическія по своему значенію выходятъ за предѣлы данной страны; то, что открыто въ данномъ мѣстѣ и научно объяснено, бросаетъ свѣтъ въ то же время и на то, что дѣлалось подъ другими широтами и долготами. Такимъ образомъ и въ археологіи мы находимъ рельефное проявленіе того широкаго научнаго единенія, которое даетъ силу научнымъ изслѣдованіямъ и во много кратъ возвышаетъ производительность и полезность добываемыхъ результатовъ".

Но изученіе отечественной археологіи и этнографіи имѣетъ тѣсную связь съ изученіемъ ихъ по отдѣльнымъ раіонамъ, мѣстностямъ, судьбы которыхъ представляютъ какъ-бы отдѣльныя страницы и главы великой книги—исторіи отечества, и XII Археологическій Съѣздъ, внеся наиболѣе плодотворное оживленіе въ научную жизнь Харькова, распространилъ свое вліяніе и на весь раіонъ дѣйствій, въ который входила, между прочимъ, и Курская губернія. Вліяніе это, не можетъ быть преходящимъ для Курской губерніи тѣмъ болѣе, что обслѣдованіе ея входило въ програму

бывшаго въ 1905 году въ Екатеринославѣ XIII Съѣзда, и она опять включена въ раіонъ дѣйствій предстоящаго въ 1908 году XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, но въ созидательной работѣ его необходимо живое участіе мѣстныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, интересующихся исторіей Курскаго края.

Останавливаясь на вопросѣ о ближайшемъ, такъ сказать, воздѣйствіи XII Археологическаго Съѣзда на ходъ мѣстныхъ историческихъ и этнографическихъ работъ, слѣдуетъ признать, что Съѣздъ далъ возможность мѣстнымъ лицамъ, интересующимся указанными работами, въ достаточной степени ознакомиться съ методическими пріемами по научному изслѣдованію и обработкѣ историко-археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, онъ указалъ незамѣтнымъ провинціальнымъ работникамъ на поприщѣ изученія своего края пробѣлы въ этой области и ободрилъ ихъ для дальнѣйшей работы, встрѣчающей на пути своемъ многія препятствія, такъ какъ, къ сожалѣнію, приходится еще доказывать ея значеніе.

Рефераты на Съѣздѣ, обмѣнъ мнѣній по различнымъ вопросамъ, экспонаты выставки, извлеченные на свѣтъ благодаря Съѣзду, археологическія раскопки—все это въ частности Курскимъ любителямъ старины предоставляло полную возможность извлечь для пополненія своихъ знаній много поучительнаго, и можно только пожалѣть, что занятія Съѣзда были не продолжительны.

Н. З—овъ.

Сообщенія В. П. Каньшина*).

Умрихинскій мамонтъ и слѣды человѣка палеолитической эпохи.

Возвышенности, подымающіяся по обѣимъ сторонамъ долины р. Рагозны у дер. Умрихиной и села Старкова (Курск. губ. и уѣзда, Старковской волости), прорѣзаны глубокими оврагами, расположенными перпендикулярно долинѣ рѣки и достигающими мѣстами глубины около 10 саж. Потоками дождевыхъ и весеннихъ водъ эти овраги постоянно размываются, и обрушившіеся слои глины и известняковъ на днѣ овраговъ обнаруживаютъ кости мамонта.—Мѣстные крестьяне давно уже добываютъ изъ овраговъ кости этого гигантскаго животнаго, разбивая ихъ иной разъ на мелкіе куски.

Въ прошломъ году одинъ изъ крестьянъ Даніилъ Умрихинъ обратилъ вниманіе учителя старковской земской школы М. В. Пожидаева на находившіяся въ оврагѣ громадныя кости животнаго. Это были бивни мамонта, которые, по указанію М. В. Пожидаева, были выкопаны и перевезены въ музей наглядныхъ пособій Курскаго губернскаго земства завѣдывающимъ музеемъ А. Я. Минаевымъ.

Узнавъ, по пріѣздѣ въ Курскъ въ іюлѣ этого года, о найденныхъ костяхъ мамонта, я рѣшилъ поѣхать въ Умрихино, чтобы поискать слѣдовъ современнаго мамонту человѣка. Предпринятая мною вмѣстѣ съ К. Н. Родіоновымъ экскурсія дала слѣдующіе результаты.

Мною была произведена раскопка въ оврагѣ, находящемся ниже дер. Умрихиной по теченію р. Рагозны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдены были бивни мамонта. Среди раскопанныхъ костей мамонта мнѣ удалось обнаружить расколотую при помощи каменныхъ орудій мозговую кость мамонта. Кромѣ того, при раскопкѣ найденъ обломокъ кости съ ясными слѣдами обдѣлки и грубо обдѣланный каменный топоръ палеолитической эпохи. Среди найденныхъ здѣсь же въ оврагѣ нѣсколькихъ черепковъ разбитой посуды одинъ отличается особенно грубой выдѣлкой и плохо обожженъ.

Все это заставляетъ заключить, что одновременно съ мамонтомъ въ мѣстности нынѣшнихъ Умрихиной и Старкова жилъ человѣкъ палеолитической эпохи, который здѣсь охотился на мамонта, питался его мясомъ, раскалывалъ его кости при помощи своихъ грубо обдѣланныхъ каменныхъ орудій, чтобы извлечь изъ нихъ мозгъ, который служилъ для него лакомствомъ. И то обстоятельство, что въ оврагахъ Умрихино—Старково находятся кости многихъ экземпляровъ мамонта, тоже указываетъ на то, что здѣсь была стоянка человѣка, отъ рукъ котораго погибали эти гиганты—животныя.

Археологическіе памятники въ области рѣки Большой Курицы, впадающей въ Сеймъ.

Изъ археологическихъ памятниковъ въ области р. Большой Курицы слѣдуетъ отмѣтить два городища (при селѣ Гнѣздиловѣ и при д. Ли-

---

*) Въ засѣданіи Общаго Собранія Курской Ученой Архивной Коммиссіи 4 августа 1906 года.

пинѣ) по правой возвышенной сторонѣ рѣки (Липинское городище лежитъ уже на р. Сеймѣ, недалеко отъ впаденія въ нее р. Курицы); около обоихъ городищъ на западной ихъ сторонѣ находятся поля погребеній безъ курганныхъ насыпей; при обоихъ городищахъ, кромѣ того, разбросаны курганы, большинство которыхъ распахано (при Гнѣздиловскомъ городищѣ распаханы 12 кургановъ, и только остался одинъ нераспаханный по правой сторонѣ р. Малой Курицы); курганныя насыпи встрѣчаются и отдѣльно отъ городищъ, у деревни Лукино (большой курганъ) на правомъ высокомъ берегу р. Б. Курицы и у деревень Косинова, Полянской и Жеребцова по лѣвой сторонѣ рѣки (всѣ распаханы, кромѣ кургана у Лукино). Къ историко-археологическимъ памятникамъ въ этой области можно отнести еще развалины монастыря въ дер. Липинѣ.

Оба городища, Гнѣздиловское и Липинское, различаясь между собою своими размѣрами (Липинское городище больше, его размѣры: д=40 с., ш=24 с., шир. вала 5 с.; размѣры Гнѣздилов. городища: д=27 с., ш=10 с., ш. в=5 с.) и отчасти формою, очень походятъ другъ на друга по характеру культурныхъ остатковъ.

Разрывая культурные слои городищъ, мы встрѣчаемся одинаково въ обоихъ городищахъ съ двумя культурными напластываніями. Типъ Дьякова городища*)—нижнее древнѣйшее характеризуется костяными орудіями и черепками разбитой посуды неолитической эпохи. Верхнее позднѣйшее культурное напластываніе содержитъ въ себѣ желѣзныя орудія. Большое количество костей животныхъ и рыбъ (особенно много свиныхъ костей въ Гнѣздиловскомъ городищѣ и костей лося и оленя въ Липинскомъ) указываетъ на то, что населеніе городищъ питалось, главнымъ образомъ, продуктами охоты и рыбной ловли. Найденные въ Гнѣздиловскомъ городищѣ ручные жернова указываютъ, что населеніе городища начинаетъ уже питаться и продуктами земледѣлія. Разводились также и домашнія животныя. Произведенныя раскопки не обнаруживали пока землянокъ. Большое количество глиняной обмазки стѣнъ, часто обоженной случавшимися пожарами, указываетъ на то, что на городищѣ были деревянныя, сплетенныя изъ хвороста, хижины, обмазанныя глиной.

Одеждой жителей городищъ служили, очевидно, звѣриныя шкуры и ткани (найдены пряслазы). Населеніе пользуется украшеніями, украшаетъ свою посуду орнаментами, лѣпитъ фигурки изъ глины, имѣетъ въ своемъ распоряженіи и музыкальные инструменты.

Таковы бытовыя черты, о которыхъ говорятъ находки городищъ.

Расположенные около городищъ курганы и могильники, содержащіе въ себѣ тотъ же инвентарь, что и въ городищахъ, говорятъ намъ о погребальныхъ обрядахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ населенія городищъ.

Но раньше, чѣмъ перейти къ погребеніямъ, попытаемся отвѣтить на вопросъ: когда и какимъ народомъ построены Гнѣздиловское и Липинское городища и долго ли они были обитаемы?

Весь инвентарь городищъ ясно указываетъ на то, что оба городища принадлежали славянамъ, присутствіе же въ нижнемъ культурномъ напластываніи городищъ костяныхъ орудій и черепковъ неолитической эпохи заставляетъ отнести постройку городищъ къ VIII или IX вѣку. Верхній культурный слой городищъ и сосѣднія съ городищами погребенія безъ

---

*) См. записки русск. отдѣл. Импер. Русск. Археол. Общ., т. V, в. 1, стр. 111-142.

кургановъ говорятъ объ обитаемости городищъ въ болѣе позднюю эпоху XI—XII и, можетъ быть, даже XIII—XIV вѣка. При столь продолжительной обитаемости городищъ, естественно, измѣнялись и погребальные обряды.

Погребенiе Сѣверянъ въ курганахъ (въ Черниговской и Курской губернiяхъ) обслѣдованы и описаны Д. Я. Самоквасовымъ*). Д. Я. Самоквасовъ наблюдалъ 3 типа погребенiй у Сѣверянъ-язычниковъ: 1) погребенiе съ сожженiемъ въ ладьѣ, 2) погребенiе сожженнаго праха въ погребальной урнѣ и 3) погребенiе безъ сожженiя.

Я раскопалъ одинъ изъ распаханныхъ кургановъ около Гнѣздиловскаго городища (раскопка колодцемъ въ 8 арш. въ дiаметрѣ). При раскопкѣ въ курганной насыпи найдены только уголь, птичья кость и зубъ животнаго. Надо думать, что погребенiе здѣсь было совершено съ сожженiемъ, въ погребальной урнѣ, которая разбилась и при распашкѣ уничтожена. При распахиванiи другого изъ Гнѣздиловскихъ кургановъ мною подобраны на мѣстѣ распашки черепокъ разбитаго горшка, соотвѣтствующiй, повидимому, черепкамъ нижняго культурнаго слоя городищъ, обломки обожженой глины, осколокъ кости и уголь. Повидимому, и здѣсь погребенiе въ урнѣ съ сожженiемъ. Я уже говорилъ, что на западной сторонѣ Гнѣздиловскаго и Липинскаго городищъ находятся погребенiя безъ кургановъ и безъ сожженiя. Я думаю, что это погребенiе позднѣйшей эпохи, соотвѣтственной болѣе верхней культурѣ городищъ.

Сожженiя уже нѣтъ, но есть намекъ на сожженiе, удерживается традицiя: трупъ при погребенiи осыпается золой и углемъ, въ могилу бросаются зубы животныхъ, на могилѣ совершаютъ тризну, разбиваютъ горшки съ пищей, приносимой покойнику.

Я обслѣдовалъ нѣсколько такихъ погребенiй при Гнѣздиловскомъ городищѣ.

Это погребенiя въ мелкихъ могилахъ, почти на поверхности земли. Костякъ лежитъ на спинѣ, головою на западъ, со сложенными на животѣ руками. Иногда при костяхъ взрослаго человѣка дѣтскiя погребенiя. Костякъ обсыпанъ золою и углемъ, въ головѣ и ногахъ преимущественно разбитые черепки и кости животныхъ и птицъ. Сверху, повидимому, могила прикрывалась досками, которыя прибивались, вѣроятно, къ землѣ желѣзными гвоздями.

Можетъ быть, эти погребенiя относятся уже ко временамъ христiанства. Такъ погребали христiанъ, сохраняя старыя языческiя традицiи.

Этой эпохой заканчивается жизнь городищъ.

Подъ напоромъ набѣговъ дикихъ Половцевъ или татарскихъ погромовъ населенiе этихъ городищъ покидаетъ свои насиженныя мѣста и увлекается, вѣроятно, колонизацiонной волной на сѣверъ, въ междурѣчье Оки и Волги. Надо замѣтить, что народныя преданiя связываютъ окрестную Гнѣздиловскому городищу мѣстность съ воспоминанiями о нашествiи Татаръ.

---

*) См. «Труды 3-го Всероссiйскаго Археологич. съѣзда въ г. Кiевѣ».

Землевладѣніе въ Курской губерніи (1905 г.).

Послѣ перваго обслѣдованія поземельной собственности въ Россіи, произведеннаго Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1877 году, этимъ-же Котитетомъ было предпринято изслѣдованіе въ 1887 году, имѣвшее главной задачей изученіе состава культурной площади. Собранныя, тщательно провѣренныя на мѣстахъ и разработанныя данныя послѣдняго изслѣдованія были напечатаны по каждой губерніи въ отдѣльныхъ выпускахъ, при чемъ XX-й выпускъ по Курской губерніи былъ изданъ въ 1899 году, и свѣдѣнія, заимствованныя изъ этого изданія, помѣщены въ первомъ выпускѣ Курскаго Сборника (стр. 82—93).

Въ 1905 году Центральный Статистическій Комитетъ приступилъ къ собиранію,—чрезъ губернскіе статистическіе комитеты,—современныхъ свѣдѣній о распредѣленіи землевладѣнія, выработавъ подробныя инструктивныя основанія и программу, въ которую входили данныя: о всѣхъ землевладѣльцахъ и имѣющейся у нихъ земельной площади въ казенныхъ десятинахъ, съ распредѣленіемъ владѣльцевъ на три группы: 1) частные собственники, 2) общины, пользующіяся надѣльной землей, и 3) государство, церковь и разныя учрежденія и установленія, группы-же раздѣлены на виды: I—сословія частныхъ владѣльцевъ, земли частныхъ обществъ, товариществъ и компаній, II—крестьяне, съ подраздѣленіемъ ихъ на бывшихъ владѣльческихъ, б. государственныхъ и б. удѣльныхъ; казаки, колонисты; ихъ національность; инородцы и ихъ народность, III—казна, удѣлы, церкви, монастыри, иныя учрежденія и установленія.

Матеріалъ по землевладѣнію, собранный и провѣренный на мѣстахъ по окладнымъ книгамъ земствъ и другихъ учрежденій, былъ представленъ,—большей частью въ первой трети 1906 года,—Центральному Статистическому Комитету, весь составъ котораго, подъ руководствомъ Директора Генералъ-Маіора І. М. Золотарева, произвелъ разработку полученныхъ данныхъ послѣ ихъ провѣрки и исправленія на мѣстахъ нѣкоторыхъ замѣченныхъ неточностей, естественныхъ при обширности и срочности работы, но въ общемъ, какъ видно изъ предисловія къ этимъ капитальнымъ трудамъ Центральнаго Статистическаго Комитета, изданнымъ отдѣльными выпусками по каждой губерніи, огромная современная важность свѣдѣній о землевладѣніи была ясно понята всѣми учрежденіями и лицами, участвовавшими въ собираніи свѣдѣній, и это оказало на качество таковыхъ самое благотворное вліяніе.

Приведенныя ниже данныя по землевладѣнію въ Курской губерніи извлечены изъ опубликованнаго въ концѣ 1906 года выпуска Центральнаго Статистическаго Комитета: „Статистика землевладѣнія 1905 г. Выпускъ XXXVII. Курская губернія. С.-Петербургъ 1906“.

Общее количество всѣхъ земель въ Курской губерніи опредѣлено въ 3964632 десятины, изъ которыхъ: земли въ частной собственности, въ 30684 владѣніяхъ, 1391812 десятинъ (или 35,1% общей площади), крестьянской надѣльной, въ 4314 общинахъ и 335271 дворѣ, 2455363 десятины (или 61,9% общ. пл.; въ средн. на дворъ $7_{,3}$ д.), государственной, церковной и другихъ учрежденій 117457[1]) десятинъ (или 3% общ. площади).

---

[1]) Въ томъ числѣ казенной неудобной—5831 дес.

Изъ 1391812 дес. земли, находящейся въ частной собственности, принадлежитъ: дворянамъ 859331 дес., духовнымъ лицамъ 8498 дес., купцамъ и почетнымъ гражданамъ 97197 дес., мѣщанамъ 35042 дес., крестьянамъ 257994 дес., лицамъ прочихъ сословій 529 дес., иностраннымъ подданнымъ 1561 дес., цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ 47598 дес., инымъ обществамъ 2205 дес., крестьянскимъ товариществамъ 69065 дес., разносословнымъ товариществамъ 504 дес., торгово-промышленнымъ, фабричнымъ и прочимъ товариществамъ 12288 десятинъ.

По размѣрамъ частнаго владѣнія изъ общаго количества земли принадлежитъ: отъ 10 до 100 десятинъ—дворянамъ 83467 десятинъ, духовнымъ лицамъ 6312 дес., купцамъ и почетнымъ гражданамъ 12805, мѣщанамъ 15701 дес., крестьянамъ 203044 десятины, другимъ лицамъ 281 дес., иностраннымъ подданнымъ 36 дес., крестьянскимъ обществамъ 2795 д., инымъ 33, крестьянскимъ товариществамъ 18897 д., разносословнымъ 121 д., торгово-промышленнымъ, фабричнымъ и прочимъ товариществамъ 120 десятинъ, всего 343612 десятинъ.

Отъ 100 до 1000 дес.	Болѣе тысячи до 10 т. дес.:
Дворянамъ 397356 десят.	280475 дес.
Духовнымъ лицамъ 2186 дес.	„ „
Купцамъ и почетнымъ гражд. 62527 д.	21865 „
Мѣщанамъ 14622 дес.	4719 „
Крестьянамъ 49166 дес.	5784 „
Прочимъ 248 дес.	„ „
Иностр. подданнымъ 1525 дес.	„ „
Крест. обществамъ 27686 дес.	17117 „
Инымъ 386 дес.	1786 „
Крест. товариществамъ 47894 дес.	2274 „
Разнососл. товарищ. 383 дес.	„ „
Торгов.-пром., фабричнымъ и пр. товарищ. 1531 дес.	10637 „
605510 дес.	344657 дес.

Владѣній, съ количествомъ земли въ каждомъ свыше 10 т. дес., принадлежитъ дворянамъ въ общемъ размѣрѣ 98033 дес.

Въ общинномъ владѣніи[1]) у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ надѣльной земли на каждый дворъ приходится: отъ одной десятины и менѣе —въ 29 общинахъ съ 3959 дворами; отъ 1 до 2 дес. включительно въ 162 общинахъ съ 10836 дворами; отъ 2 до 3 д.—въ 225 общ. съ 11417 дв.; отъ 3 до 4 д.—въ 408 общ. съ 23622 дв., отъ 4 до 5 д.—въ 594 общ. съ 34873 дв.; отъ 5 до 6 дес.—въ 519 общ. съ 29332 дв.; отъ 6 до 7 дес. —въ 297 общ. съ 12900 дв.; отъ 7 до 8 д.—въ 162 общ. съ 8371 дв.; отъ 8 до 15 д.—въ176 общ. съ 6878 дв.; отъ 15 до 30 дес.—въ 19 общ. съ 353 дв.; отъ 30 до 100 д. въ 16 общин. съ 146 дв.; и свыше 100 десятинъ—въ 2 общ. съ 15 дворами.

Все количество надѣльной земли въ общинномъ владѣніи у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ опредѣляется въ 678518 десятинъ, въ 2609 общинахъ съ 142762 дворами.

[1]) Преобладающемъ въ губерніи по числу дворовъ (69,7% всего ихъ числа) и по площади надѣльной земли (59,6% общ. пл. над. земли).

Въ подворномъ владѣніи у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ надѣльной земли на каждый дворъ приходится: отъ одной десятины и менѣе—для 25 дворовъ; отъ одной до двухъ десятинъ включительно—для 425 двор.; отъ 2 до 3 дес.—для 45 дв.; отъ 3 до 4 д.—для 129 дворовъ; отъ 4 до 5 д.—для 310 дв.; отъ 5 до 6 дес.—для 462 дв.; отъ 6 до 7 д.—для 590 дв.; отъ 7 до 8 дес.—для 293 дв.; отъ 8 до 15 д.—для 230 дв.; отъ 30 до 40 дес.—для 25 дв.; свыше 100 дес.—для 2 дворовъ.

Все количество надѣльной земли въ подворномъ владѣніи у бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ опредѣляется въ 14573 десятины для 2536 дворовъ, при 45 общинахъ.

Въ общинномъ владѣніи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ надѣльной земли на каждый дворъ приходится: отъ одной десятины и менѣе въ 10 общинахъ съ 1219 дворами; отъ 1 до 2 дес. включительно—въ 10 общинахъ съ 1726 дворами; отъ 2 до 3 дес.—въ 17 общ. съ 1125 дв.; отъ 3 до 4 дес.—въ 20 общ. съ 684 дв.; отъ 4 до 5 дес.—въ 38 общ. съ 6031 дв.; отъ 5 до 6 дес.—въ 45 общ. съ 6853 дв.; отъ 6 до 7 дес.—въ 67 общ. съ 14581 дв.; отъ 7 до 8 дес.—въ 73 общ. съ 12314 дв.; отъ 8 до 15 дес.—въ 252 общ. съ 43907 дворами; отъ 15 до 30 дес.—въ 23 общ. съ 2187 дв.; отъ 30 до 100 дес.—въ 8 общ. съ 373 дворами.

Все количество надѣльной земли въ общинномъ владѣніи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ опредѣляется въ 784780 десятинъ, въ 563 общинахъ съ 91 т. дворовъ.

Въ подворномъ владѣніи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ надѣльной земли на каждый дворъ приходится:

Отъ одной десят. и менѣе	для	899 дворовъ	при 12 общ.
„ „ до 2 включ.	„	635 „	„ 17 „
„ 2 — 3 „	„	758 „	„ 24 „
„ 3 — 4 „	„	2523 „	„ 51 „
„ 4 — 5 „	„	4704 „	„ 76 „
„ 5 — 6 „	„	6336 „	„ 69 „
„ 6 — 7 „	„	7665 „	„ 93 „
„ 7 — 8 „	„	6851 „	„ 95 „
„ 8 — 15 „	„	60408 „	„ 555 „
„ 15 — 30 „	„	8082 „	„ 88 „
„ 30 — 100 „	„	108 „	„ 14 „
свыше 100 „	„	4 „	„ 3 „

Все количество надѣльной земли въ подворномъ владѣніи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ опредѣляется въ 977492 десятины для 98973 дворовъ, при 1097 общинахъ, а всей вообще надѣльной земли по указаннымъ видамъ владѣнія—2455363 десятины, вмѣстѣ-же съ землею, принадлежащей отдѣльнымъ крестьянамъ, крестьянскимъ обществамъ, и товариществамъ, *состоитъ земель крестьянъ—2830020 десятинъ*. Земель мѣщанъ—35042 десятины, въ общемъ-же у крестьянъ и мѣщанъ—2865062 десятины, что составляетъ по отношенію ко всей земельной площади губерніи (3964632 дес.) до 72,2%.

I. Какъ видно изъ послѣднихъ статистическихъ данныхъ о землевладѣніи въ Курской губерніи, опубликованныхъ въ концѣ 1906 года, во всѣхъ уѣздахъ губерніи личная земельная соб-

ственность за послѣднія 28 лѣтъ уменьшилась, а собственность обществъ и товариществъ возрасла, въ особенности въ Новооскольскомъ, Суджанскомъ, Рыльскомъ и Бѣлгородскомъ уѣздѣ. Изъ личныхъ собственниковъ, по размѣрамъ землевладѣнія, первое мѣсто занимаютъ дворяне, которымъ принадлежитъ свыше 1/5 всей площади губерніи (21,7%), второе мѣсто занимаютъ крестьяне (6,5% общ. пл. или 3/10 пл. дворян. земли, но съ прибавленіемъ земель крестьянско-мѣщанскихъ обществъ и товариществъ, личная собственность крестьянъ и мѣщанъ составляетъ свыше 47% площади дворянск. землевладѣнія). Сравнительно съ данными за 1877 годъ личная собственность первыхъ сократилась (на 26%), а вторыхъ увеличилась почти въ два раза, владѣнія-же крестьянскихъ обществъ за указанный періодъ увеличились болѣе, чѣмъ въ 5½ разъ. По размѣрамъ личнаго землевладѣнія въ отдѣльныхъ уѣздахъ земли дворянъ составляютъ отъ 8,9% общей площади губерніи (въ Корочан. уѣздѣ) до 38,3% (въ Путивльскомъ), затѣмъ дворянское землевладѣніе наиболѣе велико въ Рыльскомъ (37,8) и Льговскомъ (31) уѣздахъ; личное землевладѣніе крестьянъ колеблется отъ 2,1% общей площади (въ Обоян. у.) до 11% (въ Дмитріевскомъ); крестьянское личное землевладѣніе относительно велико (свыше 10% общ. пл.) въ Льговскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ; купеческое землевладѣніе наиболѣе значительно въ Рыльскомъ (4,3% общ. пл.) и Бѣлгородскомъ (4%) уѣздахъ; земли мѣщанъ не превышаютъ 1,5% общ. пл. и духовныхъ лицъ и иностранцевъ составляютъ въ каждомъ уѣздѣ менѣе 1% общ. площади; частныя владѣнія кр. обществъ наиболѣе значительны (свыше 2%) въ Суджанскомъ, Новооскольскомъ и Грайворонскомъ уѣздахъ; землевладѣніе крестьянскихъ товариществъ, существующее во всѣхъ уѣздахъ, наиболѣе велико въ Рыльскомъ (4,9% общ. пл.), Новооскольскомъ, Бѣлгородскомъ, Щигровскомъ и Путивльскомъ (2% общ. пл.); владѣнія торгово-промышл. товариществъ, существующія въ 6 уѣздахъ, составляютъ болѣе 2% общ. пл. лишь въ двухъ уѣздахъ.

Всѣхъ личныхъ частныхъ владѣній въ Курской губерніи числится 29779 при общей площади въ 1260152 десятины; по отдѣльнымъ уѣздамъ средній размѣръ владѣнія колеблется отъ 20,3 десятины (въ Фатежскомъ уѣздѣ) до 111,3 дес. (въ Грайворонскомъ). Владѣльцы всѣхъ сословій (за исключеніемъ иностранцевъ) въ значительномъ большинствѣ (болѣе 69%) принадлежатъ къ мелкимъ собственникамъ, изъ которыхъ наиболѣе многочисленна группа крестьянъ, духовныхъ лицъ и мѣщанъ, среди дворянъ % мелкихъ владѣльцевъ составляетъ 69,3.

Мелкое личное землевладѣніе наиболѣе развито въ Фатежскомъ, Курскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ, среднее въ Тимскомъ и Щигровскомъ, а крупное—въ Грайворонскомъ. За послѣднія 18 лѣтъ средній размѣръ владѣній, при увеличеніи числа ихъ, сократился. Въ отношеніи землевладѣнія по отдѣльнымъ сословіямъ за указанный періодъ произошли слѣдующія измѣненія: 1) размѣръ дворянскихъ владѣній сократился во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Грайворонскаго, Старооскольскаго, Тимского и Фатежскаго, число-же владѣній соотвѣтственно уменьшилось во всѣхъ уѣздахъ; 2) число купеческихъ владѣній понизилось въ 7 и повысилось въ 8 уѣздахъ, при чемъ во всѣхъ уѣздахъ (кромѣ Курскаго и Суджанскаго) средній размѣръ владѣній уменьшился; 3) число владѣній мѣщанъ въ большинствѣ уѣздовъ понизилось, средній-же размѣръ уменьшился въ 7 уѣз-

дахъ; 4) число личныхъ владѣній крестьянъ во всѣхъ уѣздахъ увеличилось, средній-же размѣръ таковыхъ понизился.

II. Площадь крестьянскихъ надѣловъ, составляющихъ вторую группу владѣній, распредѣляется такъ:

	число общинъ:	число дворовъ:	десятинъ земли:
у крестьянъ бывш. владѣльческихъ	2654	145298	693091
„ „ „ государственныхъ	1660	189973	1762272
	4314	335271	2455363

Изъ этого видно, что главную группу по числу дворовъ и количеству земли, составляютъ бывшіе государственные крестьяне[1]), которые въ губерніи являются наиболѣе обезпеченными и у которыхъ, въ среднемъ, приходится на одинъ дворъ 9,3 дес. надѣльной земли, у бывшихъ-же владѣльческихъ крестьянъ приходится на дворъ, въ среднемъ, 4,8 десятины. Слѣдовательно изъ отдѣльныхъ уѣздовъ въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ должны находиться тѣ, въ которыхъ наиболѣе великъ процентъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, но распредѣленіе крестьянъ разныхъ категорій по губерніи далеко не равномѣрно и при томъ крестьяне одной и той же категоріи получили въ различныхъ уѣздахъ далеко не одинаковые надѣлы, которые, какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, колеблются отъ неполной десятины до 100 и болѣе десятинъ на дворъ.

Наибольшій, въ среднемъ, размѣръ надѣла имѣютъ Тимской и Обоянскій уѣзды (свыше 10 дес. на дворъ), наименьшій—Рыльскій и Путивльскій (менѣе 5 десятинъ). По размѣру средней величины надѣла на одинъ дворъ уѣзды располагаются въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ: Тимской—11 десятинъ, Обоянскій—10,1 д., Корочанскій и Старооскольскій—по 8,5 д., Фатежскій—8,3 д., Щигровскій—7,7 дес., Дмитріевскій—7,5 д., Суджанскій—7,4 д., Курскій и Новооскольскій—по 7,3 д., Бѣлгородскій—6,6 д., Грайворонскій—6,2 д., Льговскій—5,5 д., Рыльскій—4,4 д. и Путивльскій—4,2 д. Однако эти данныя не характеризуютъ въ полной мѣрѣ обезпеченность крестьянъ надѣльными землями, такъ какъ самые надѣлы далеко не одинаковы въ уѣздахъ, въ отдѣльныхъ волостяхъ и обществахъ, а поэтому, несмотря на сравнительно значительный средній размѣръ земельной площади на дворъ (въ особенности если считать и купленную землю), всетаки есть крестьяне, у которыхъ средній размѣръ собственно надѣльной земли значительно ниже средняго размѣра на дворъ не только для цѣлой губерніи, но и для отдѣльнаго уѣзда.

III. Въ третью группу земли владѣльцевъ входятъ: казна, церкви, монастыри, города и разныя учрежденія съ общей площадью земли въ 117457 десятинъ, изъ которыхъ 52834 десятины принадлежитъ казнѣ (19 т. дес.—въ Корочанскомъ уѣздѣ, 7 т. дес.—въ Бѣлгородскомъ, по 4 т. десятины—въ Льговскомъ и Новооскольскомъ, въ остальныхъ уѣздахъ отъ 1 т. до 3 т. десятинъ). Церквамъ принадлежитъ 42086 дес., городамъ—14644 дес., монастырямъ 7233 дес. (свыше 1 т. дес.—въ Бѣлго-

[1]) Наибольшій процентъ ихъ въ Короч., Обоян., Фатеж., Курскомъ, Тимскомъ и Судж. уѣздахъ.

родскомъ, Старооскольскомъ, Путивльскомъ и Щигровскомъ уѣздахъ, въ остальныхъ—въ небольшомъ количествѣ). Изъ казенныхъ оброчныхъ статей предназначено Высочайшими манифестами къ продажѣ наиболѣе нуждающимся крестьянамъ 6018 десятинъ, а именно: въ Курскомъ уѣздѣ—554 дес., Бѣлгородскомъ—393, Грайворонскомъ—106, Дмитріевскомъ—279, Корочанскомъ—635, Льговскомъ—548, Новооскольскомъ—298, Обоянскомъ—175, Путивльскомъ—682, Рыльскомъ—284, Старооскольскомъ—751, Суджанскомъ—457, Тимскомъ—594, Фатежскомъ—155 и Щигровскомъ—107 десятинъ.

По главнымъ группамъ угодій вся земельная площадь Курской губерніи распредѣляется такъ: пахотныя земли составляютъ до 73% общаго количества земель, луга, выгоны и остальная удобная земля—до 14%, лѣса—до 9% и неудобная земля—до 4%.

Н. З—овъ.

Къ 74 страницѣ:

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ послѣ напечатанія статьи: „Землевладѣніе въ Курской губерніи", предназначено для увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія оброчныхъ и другихъ земель казны: по Курск. уѣзду—30 десятинъ, Бѣлгородск.—36 дес., Грайворонск.—83 дес., Дмитріевскому—1435 дес., Корочанск.—195 дес., Льговск.—473 д., Новооскольск.—530 д., Обоянск.—26 д., Путивльск.—100 дес., Рыльск.—411 д. и Старооскольск.—101 дес.